

Геннадий Васильев

Охота на охотника

Детективные повести

Геннадий Васильев

**Охота на охотника.
Детективные повести**

«Издательские решения»

Васильев Г.

Охота на охотника. Детективные повести / Г. Васильев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837189-9

Две повести с детективным сюжетом — «Охота на охотника» и «Тройная бухгалтерия» — написаны почти полтора десятка лет назад, одна была издана под другим названием и в существенно другом виде столичным издательством, вторая ждала своего часа, ее издавать не хотели. Обе повести связаны общими персонажами с яркими, выразительными характерами, обе отличает острый, захватывающий сюжет, множество интриг и неожиданных разрешений.

ISBN 978-5-44-837189-9

© Васильев Г.
© Издательские решения

Содержание

Охота на охотника	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	35
Глава 10	38
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	49
Глава 14	53
Глава 15	56
Глава 16	59
Глава 17	62
Глава 18	64
Глава 19	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Охота на охотника
Детективные повести
Геннадий Васильев

© Геннадий Васильев, 2017

ISBN 978-5-4483-7189-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Охота на охотника

Пролог

В самый последний день февраля, в самом начале этого дня в совхозе «Передовик», что располагался в шести километрах от районного Городка, случилось трагическое происшествие. Точнее, утром обнаружили следы трагедии, случившейся ночью. Начальник совхозной автобазы Петр Абрамов в середине седьмого часа шел на работу. Он любил просыпаться рано, и на работу приходил всегда раньше всех. Петр был крупный деревенский мужик с большими, как лопаты, руками, длинным лошадиным лицом и костлявыми и коленчатыми, как у кузнечика, ногами. Ему было около полтинника, но он выглядел много моложе. Он почти никогда не пил, по праздникам пропускал стопарь-другой, но удовольствия от этого не испытывал. Может, поэтому, а может, от природной силы просто был он здоров, никогда ничем не болел, на жизнь смотрел весело. И работу любил начинать рано.

Утро было морозным еще, темным, но радостным. Что-то неуловимо подсказывало уже весну, которая вот-вот должна нагреться. В Сибири так часто бывает – морозы держатся до последнего, а потом термометр растерянно замирает – и с невероятной скоростью устремляется вверх. Снег торопится таять, солнце как будто протирает глаза – и смотрит радостнее и приветливее сквозь отмытые небеса. Стоял в погоде как раз такой момент – переломный, когда термометр вот-вот должен был замереть в растерянности.

Петр открыл своим ключом двери конторы – у автобазы была своя контора, она располагалась неподалеку от совхозной управы. Была она одноэтажная, да больше и не требовалось. Он прошел по скрипучим половицам к своему начальническому кабинету, не торопясь отпер его. Кабинет, даром что звался начальническим, приемной и тем более секретарши не имел, из коридора человек сразу попадал, куда хотел. На дверях и табличка под оргстеклом была полустертой, на ней едва угадывалась надпись черной тушью по белой бумаге: «Начальник автобазы». Тушь выцвела, и букв осталось немного. Читалось: «...чальник ...азы». Местные хулиганы из шоферов доцарапали поверх оргстекла буквы – получалось: «...чайник ...козы». Читалось глупо и не смешно. Поэтому Петр решил табличку не менять, денег зря не тратить, тем более что было их в совхозе вообще негусто, а автобазе отламывались совсем крохи. Не так давно, впрочем, базу осчастливили. В совхозе затеяли крупномасштабное строительство, и директор, он же основной акционер и, значит, владелец ЗАО «Передовик» своей волей распорядился: для обеспечения завоза на стройку строительных материалов купить новый грузовик. В банке взяли кредит, купили КраЗ. Новый грузовик стоял на площадке автобазы в ожидании, когда ему найдут водителя и когда найдется для него работа. Совхозные шофера ходили кругами, понимая: большой грузовик – большие объемы и, значит, приличная зарплата. Пока ничего этого не было. Кроме грузовика.

Петр включил свет, не спеша разделся, прошел за стол. Включил и настольную лампу. Глянул на часы – было без четверти семь. Минут через пятнадцать придет сторож, доложит о том, что происшествий не было, сдаст под роспись автобазу и отправится досыпать. Впрочем, «досыпать» – неправильно. Сторож автобазы на посту никогда не спал, хотя была сторожка с лежанкой, стояла бердана у изголовья, и вообще – кому нужна была та рухлядь, что осталась на базе с социалистических времен? Не спал сторож не по причине повышенной бдительности, а потому, что был он поэт. Александр Евгеньевич Скрипка сочинял стихи. Большею частью лирические, хотя местная районная газета печатала в основном другие – сатирические. Газетчикам казалось, что у Скрипки талант сатирика. Они восхищались такими, например, строчками Скрипки:

У постели больного сошлись врачи,
ощупывают живот.

«Ну что, коллеги, будем лечить?»

Или пускай живет?»¹

Он сам считал себя лириком... ну, если не есенинского масштаба, то хотя бы уровня Тряпкина. Потому сатиру, за которую получал скромные гонорары в газете, он строчил днем – это получалось быстро и ума не требовало, – а ночами, сторожа ради прибавки к пенсии автобазу, мучительно выдавливал из себя строчки о любви и деревенской природе. Александр Евгеньевич был лыс, сутул, в плечах узок, последние лет двадцать носил очки, ходил много лет в одной и той же фуфайке еще советских времен и валенках. Летом надевал всегда клетчатую рубашку и черную, вязанную женой, жилетку. Жена пять лет назад умерла, дети давно разъехались, и жил Скрипка бобылем. Поэзия, как он считал, осталась единственным местом, где он еще мог громко о себе заявить. Не то чтобы отличался он тщеславием, но славы хотел. Ночами, извлекая из себя лирические строки и водя дешевой шариковой ручкой по серой, опять же дешевой, бумаге, он ворчал: «Не ценят... Ничего... Тряпкина при жизни тоже не очень-то жаловали».

Вообще-то сторожу положено было сменяться в восемь утра. Но, поскольку начальник базы приходил к семи, оставаться в сторожке лишний час смысла не было. Тем более что добрый Петр Абрамов однажды сам сказал Скрипке: «Ты, Евгенийч, не волнуйся: платить я тебе все равно буду полную ставку сторожа, а домой ты уходи часом раньше. Только отчет в семь сдай мне, распишись в книге – и иди. Мне на твою одухотворенную физиономию лишний час любоваться скучно. Чувствую себя неполноценным». Из окна кабинета начальника автобазы хорошо видна была сторожка рядом с невысокими металлическими воротами, где ночевал Скрипка. Сами ворота были не видны, их закрывали стены сторожки. Окно сторожки светилось. Значит, Александр Евгеньевич должен вот-вот пожаловать.

Прошли, однако, отмеренные пятнадцать минут, потом еще столько же, а сторож не спешил. «Спит, что ли?» – скучно подумал Петр Абрамов. Еще раз подошел к окну, взглянул вопросительно на сторожку. Там по-прежнему горел свет, но никакого движения не улавливалось. «Спит старик, – решил Абрамов. – Все-таки сломался. Надо бы разбудить». Не одеваясь, он вышел из конторы. Вход в сторожку находился со стороны ворот автобазы и от конторы был не виден. Петр завернул за угол – и остановился от неожиданности. Двери сторожки были распахнуты. И тут же охнул: так же настезь распахнуты были металлические ворота базы. Он не мог этого видеть, когда шел к себе в контору: туда вели отдельная тропинка и калитка в заборе по другую сторону здания конторы. Петр осторожно заглянул внутрь. Тускло горела лампочка, рядом с лежанкой стоял включенный в розетку обогреватель типа «козел», на столе в стеклянной литровой банке – мутноватый от крепости чай, внутри – самодельный кипяtilьник из двух бритвенных лезвий. Петр потрогал банку – давно остыла. Рядом – тетрадка с аккуратными столбиками стихов, почти без перечеркиваний и исправлений. И еще он зафиксировал: берданы у изголовья, где она обычно стояла, не было. Абрамову стало тоскливо. Он торопливо вышел из сторожки, почти бегом направился в сторону открытой площадки, где стояла техника. Еще издали понял: КрАЗа на месте нет. Он, однако, отметил это походя, мельком, его куда больше занимал вопрос – где сторож? Не кататься же он уехал, в самом деле! Петр почти бегом миновал ремонтную площадку с ржавеющими рельсами, по которым когда-то бегал козловой кран, и едва не споткнулся. Изнутри его окатило чем-то ледяным – страхом. Наполовину перевалившись туловищем через рельс, лысой головой на красном снегу лежал Александр Евгеньевич Скрипка. Глаза его были открыты и выражали недоумение. Правая рука

¹ Строчки деревенского поэта Александра Сурова, жившего в деревне Скрипачи Шарыповского района Красноярского края.

сжимала бердану. Очков не было, лицо заливала кровь. Рядом в снегу валялась стальная монтировка. Рыжий протаявший снег под ней образовал ложбину.

Абрамов, преодолевая страх, наклонился над Скрипкой, попытался его тронуть за плечо. Тело уже заоченело – от смерти и от мороза. Петра замутило, он преодолел себя, прошел дальше, осмотрел место, где вчера еще стоял новенький КраЗ. Ровная прямоугольная площадка была истоптана с обеих сторон. Значит, убийц было по крайней мере двое, один сел в машину со стороны водителя, второй или, может, остальные – справа. От площадки в сторону ворот тянулся ровный широкий след автомобиля. Абрамов вдруг почувствовал, что замерз. Он тяжело повернулся, не глядя на убитого, пошел к себе в контору. К сторожке было ближе.

Но в сторожке телефона не было.

Глава 1

Машину занесло на повороте, и Володя испугался. Он сбросил газ, решил – ну его, торопиться. Никто никуда не гонит, никто нигде не ждет. Снег – не лучший материал для дорожного покрытия, да еще прикатанный, плотный, как асфальт, только асфальт не скользит. Башка все еще трещала с похмелья, во рту стояла Сахара. Минералка кончилась.

Пил он вообще-то редко, но тут случай особый. За сутки до отъезда случилась грандиозная пьянка. Хотел свой отъезд обставить тихо-мирно, без друзей и застолья, потому всем друзьям объявил, что уедет днем раньше. Думал последний вечер, последнюю ночь провести с женой. Она еще не успела стать бывшей – ни для него, ни для самой себя. Но потому и не вышло. Побоялась она последнюю ночь с ним вдвоем провести. Разговоров прощальных побоялась, слез своих. Вот и назвала гостей. Пришли, напоили, сами напились. Горлашили песни. Жена сидела в углу, дымилась. Молчала. Он психовал, говорил гадости, хамил. Пил больше всех – и больше всех напился. Свалился под утро – не помнил, как. Провалился полдня, отпаивался водой, маялся. Жена прибежала с работы в обед.

– Жив? – искренне посочувствовала. Знает, похмелье у него проходит мучительно.

Он отрицательно покачал головой. Развела в стакане аспирин, дала. Он выпил – и скривился.

– Лучше б рюмку водки...

– И за руль?

– Да я ночью поеду.

– Ночью? – удивилась Вера. – Зачем? Зимняя дорога, темно.

– Сейчас, в таком состоянии я все равно за руль не сяду. А до ночи отосплюсь. Если не возражаешь, конечно.

– Да уж не возражаю, – Вера пожала плечами, – как хочешь. Только я тебя провожать не приду. Извини. Долгие провода – сам знаешь... Ключ в почтовый ящик бросишь.

Больше ни о чем не говорили – так, дежурные фразы. Накормила, ушла снова на работу. Володя откинулся на подушку. Муторно было и внутри, и на душе. Не выдержал, встал, пошел на кухню. Крохотную Верину квартиру насквозь пронизывал солнечный свет. День выдался, как назло, яркий, веселый. Конец февраля больше походил на начало весны.

Он открыл холодильник – нашел, что искал. В поллитровой бутылке осталось граммов двести. Налил сразу полстакана, залпом выпил. Закусывать не стал. Передохнул, налил еще. Немного погодя полегчало. Не на душе. Там все так же было муторно. Володя вернулся на диван, постарался уснуть. Не удавалось сначала, потом выпитое сказало, и сон сморил-таки – тяжелый, мутный. Снилось какая-то чертовщина – будто он лезет по сугробам, вязнет в снегу, торопится выйти на дорогу, которая совсем рядом. Куда ведет дорога, он не знает, но ему непременно надо выйти на нее. На дороге стоит почему-то трамвай, а сквозь стекло из вагона на него пристально смотрит Вера. Он торопится, задыхается, сугробы высокие, ноги вязнут, и он никак не может выбраться на дорогу. Вот трамвай дает паровозный гудок – и медленно уплывает. Он протягивает руки, кричит...

Страхнув вместе с одеялом остатки дурацкого сна, Володя поднялся, пошел в душ. Легче стало не намного. Когда вышел, глянул на часы – вечер. Он прикинул. До Краснохолмска ехать часов шесть-семь, учитывая скользкую дорогу и состояние. Значит, выезжать надо часиков в 12 ночи, а то и в час, чтобы к утру нормально оказаться в городе. Он перекусил, пощелкал каналами телевизора. Еще попытался поспать. Уже не вышло. Часов в десять вечера оделся, взял вещи, пошел на стоянку. Завел свою старенькую «короллу», погрел. Потом еще зачем-то покрутился по городу, съездил в разные любимые места. Вроде как – прощался. На самом деле просто не хотел никуда уезжать. А оставаться уже не мог. Из города выехал совсем ночью.

Мутило теперь не так с похмелья, как от всего остального. В довершение ко всему постоянно приходилось останавливаться, искать укромное местечко: мучило жуткое расстройство живота. «И в таком состоянии – к новой жизни! – думал Володя. – Мало того что душу наизнанку выворачивает, так еще понос, прости Господи. Своих засранцев в Краснохолмске мало?»

... Там, куда ехал, уже светало. Чистое, без облаков небо розовело. Вообще-то рассвет и сумерки – для водителя самое паршивое время суток. Фары в сером предутреннем воздухе уже помогают мало, а без них еще нельзя. Одно хорошо – дорога, считай, пустая, редко-редко кто попадется. Таких ненормальных, как он – зимой в ночь за шестьсот километров перетяся – немного.

Хотелось есть и, главное, пить. Пластиковая бутылка из-под минералки, что брал с собой, давно выброшена, а купить по дороге было негде. Ночью торгуют только редкие придорожные кофейни, да и те чаще всего закрываются: проезжих мало, нерентабельно. Кемпинги и мотели в Сибири пока не то чтобы редкость – есть, и даже привыкать к ним уже начали дальнебойщики, другие, кто часто и далеко ездит. Но строятся они в основном на трассах дальних и от облцентра далеко. А Володя уж почти подъезжает, каких-нибудь полчаса осталось. Хоть останавливайся и снег жуй, до того во рту пересохло. «Будешь знать, как водку жрать!»

Звезды совсем ушли, восток налился ранеткой. Хоть пиши стихи с натуры. Только пить охота.

Справа у дороги показалось зданье – приличное такое, кирпичное, с башенками. «Кафе и гостиница» – прочитал. Ишь ты, когда успели? Вроде недавно тут был. Хотя – с полгода, не меньше. Новороссы, когда им надо, строят себе такие игрушки в неделю.

Проехал уже мимо – заметил вдруг: в кафе – свет, а на парковке стоят иномарка и грузовик. КраЗ. Может, открыто?

Тормознул, сдал задом. По кирпичному крыльцу поднялся, дернул дверь – открыто. В маленьком зальчике – музыка, полумрак, за столиком сидят трое, у стойки – сонный бармен. Сидевшие не обратили никакого внимания, бармен лениво оживился.

– Доброе утро! Попить чего-нибудь несладкого. И, пожалуй, кофе.

Усталость, как ни крути, сказывалась. Час еще как минимум надо продержаться: пока устроишься, то, се... Присел за стол, жадно глотнул минералки. За соседним столиком громко сказали:

– Пора. Полчаса примерно осталось. – Тот, который говорил, почему-то с подозрением покосился на Володю. Тот не обратил внимания.

Трое вышли. За окном взревел КраЗ.

Кофе слегка взбодрил. Во всяком случае, до города теперь дотянуть можно. Поблагодарил бармена – тот молча кивнул, – вышел.

Зимой светает не так скоро, как темнеет. Но пока сидел в кафе, безморозный воздух стал совсем прозрачным. Глянул на часы – утро уже, начало восьмого. От КраЗа остались широкие следы. Исчезла и иномарка. Володя завел своего японца, покатыл. Вспомнив, что впереди пост ГИБДД, на всякий случай пристегнулся. До поста, однако, не дотянул минут десять: снова прихватило. Чертыхнувшись, остановился на обочине. Не так давно начальники района, где проходила дорога, оборудовали загородные автобусные остановки прочными навесами, рядом поставили крохотные бетонные «скворечники» – туалеты. Начальников это, правда, не спасло, теперь в их кабинетах сидят другие «комиссары». Но «скворечники» остались – и то память.

Володя заглушил машину, погасил фары. Пошел к «скворечнику». Там, однако, было наморожено столько, что не войти. «Да что ж за невезуха такая!» Пришлось присесть за остановкой. Навес закрывал от главной дороги, а от боковой, которая ведет в ближайшее село, – лесополоса. За ней, проезжая, Володя заметил на боковой дороге грузовик с погашенными фарами. Похоже, тот самый КраЗ. Что он тут делает, интересно?

...Возвращаясь к машине, Володя видел, как по встречной полосе, со стороны Краснохолмска, двигается на приличной скорости джип, судя по характерному угловатому силуэту – «мерседес». За несколько секунд до того, как джип достиг пересечения с боковой дорогой, за лесополосой вдруг взревел мотор, оттуда вылетел КраЗ и, уже отчаянно тормозя, но еще на полной скорости врезался в джип. КраЗ успел остановиться на самой обочине, едва не свалившись вниз. А джип вылетел за обочину, оторвавшись от земли и пролетев по воздуху несколько метров, криво плюхнулся в снег. Володя застыл, не добежав до машины. Ему было видно, как из радиатора джипа повалил пар, как зияли полопавшимися стеклами двери со стороны водителя, как беспомощно горела почему-то не погасшая правая фара – левая была разбита.

А из кабины грузовика вышли двое. Сперва было направились вниз, к поверженному «мерсу», потом один, заметив Володю, остановился и что-то сказал напарнику. Тот обернулся, пошел к Володе.

– Слышь, мужик, надо бы помочь.

– Да-да, конечно, – заторопился Володя. – У меня в машине аптечка, я сейчас, – полез в салон за аптечкой. Руки дрожали, никак не могли открыть бардачок, где лежала аптечка. Наконец, достал.

– Сейчас, – крикнул мужику и побежал навстречу. Разделяло их метров тридцать. Второй стоял чуть поодаль, прислонившись к кабине грузовика. «А чего они стоят, почему не идут к джипу? Там, может, люди кровью истекают», – Володя остановился.

– Ну, чего ты, иди сюда с аптечкой, – мужик шагнул навстречу. В это время выскочил, как будто ждали его, первый рассветный луч солнца, высветил в руках мужика что-то металлическое. Володя понял. В один прыжок оказался в машине, повернул ключ, с места утопил педаль. «Королла» шлифанула – и сходу стала набирать скорость. В зеркало Володя видел, как мужик остался стоять, вертя в руках отсвечивающий на солнце не то нож, не то пистолет.

Когда он отъехал в направлении города, один из налетчиков – тот, с пистолетом – спросил напарника:

– Что делать будем? Свидетель...

Второй молча набрал номер на мобильном телефоне, сказал несколько слов, выслушал ответ и отключился.

– Теперь это не наша проблема.

Затем оба спустились к поверженному «мерседесу». Стекла у машины вылетели, снег вокруг таял и парил, из пробитого радиатора вытекали остатки жидкости. Со стороны водителя джип был изуродован основательно. От сильного удара дверка вмялась вовнутрь, водителю, судя по всему, переломало ребра, подушки безопасности в такой ситуации оказались бесполезны. Через выбитое стекло было видно, в какой неестественной позе находится водитель: похоже, сломана была и шея. То, что он мертв, сомнений не вызывало. Налетчиков, однако, интересовал не столько водитель, сколько пассажир. Тот ехал на заднем сиденье, как часто принято у начальников. Задняя левая дверь была помята несколько меньше. С большим трудом, но ее все же удалось открыть.

Пассажира накрепко зажал между искореженной спинкой переднего сиденья и правой задней дверью. Он лежал на боку, лицо заливала кровь. Но пассажир был жив. Кровь пузырилась на губах, из легких вырывались тяжелые хрипы. Глаза были закрыты.

Один из бандитов молча вынул из кармана пистолет. Второй – видимо, он был в операции старшим – остановил:

– Нельзя. Стрелять нельзя.

– Так он ведь живой!

– Отойди, – отстранив напарника, второй каким-то чудом умудрился наполовину влезть в салон автомобиля. Надев на руку перчатку, он крепко зажал раненному нос и рот. Через

некоторое время тот конвульсивно дернулся – и вдруг открыл глаза, полные предсмертного ужаса. Убийца не отпускал. Тело дернулось еще несколько раз, затем глаза затуманились, а еще через некоторое время и вовсе остекленели. Дыхание прекратилось. Для верности подождав еще какое-то время, убийца снял перчатку, потрогал артерию.

– Готов.

– Гарантия?

– Как на кладбище. Уходим быстро. Скоро менты пожалуют.

Грузовик взревел мотором, развернулся и на большой скорости помчался в сторону, противоположную городу.

Глава 2

«Что это было?» – вертелась в голове мысль и, ее опережая: «Почему он не стрелял, если это был пистолет?» Погони, как он заметил, тоже не было. Спихнулся – пост впереди, скорость надо бы сбросить. Сбросил – и почти сразу успокоился.

Если у мужика в руках был пистолет, а Володя – нежелательный свидетель, понятно, почему в него все же не выстрелили. Пост ГИБДД минутах в десяти езды от места происшествия, в утреннем воздухе, не заполненном рычанием автомобилей, выстрел было бы слышно далеко. Могли услышать и на посту.

В том, что его хотели и могли убить, он не сомневался. Как не сомневался в том, что двое на КраЗе убили того, кто ехал в джипе. Специально убили. Грузовик стоял в засаде, поджидая, пока «мерс» покажется из-за поворота. Рассчитано все было четко. На джипах, тем более на «мерседесах», медленно не ездят, и даже если бы водитель хотел затормозить, чтобы избежать столкновения, ему бы это не удалось.

У грузовика впереди – мощный бампер, ему даже от сильного столкновения ничего не делается. Удар о корпус джипа помог грузовику затормозить на самом краю дороги. Водителем надо быть классным, чтобы выполнить такой, с позволения сказать, маневр. Профессиналом.

Сколько человек было в джипе, Володя разглядеть не старался, да и не сумел бы: тонированное стекло, как чаще всего и бывает на таких машинах. Простые смертные на них не ездят – значит, там был, скорее всего, какой-то бизнесмен или бандит, что часто одно и то же. Не исключено, что вся история – не более чем бандитские разборки.

Задумавшись, Володя чуть было не прозевал пост. «Сообщить бы надо... Или не надо?» Его сомнения разрешились сами собой. На дорогу вышел милиционер и поднял жезл. Володя остановился, вышел из машины. На ходу доставая документы, направился к гаишнику (он их так называл, по-старому; «гибэдэдэшник» как-то не выговаривалось). Тот ждал его, отчаянно зевая, и не подходил. Володя только открыл рот – сказать: пока, мол, вы тут с зевотой боретесь, рядом такая вот штука произошла, – как вдруг увидел через стекло «аквариума» поста того самого человека, которого видел в придорожном кафе. Это он был вместе с теми, которые на КраЗе, он говорил: «Пора, полчаса осталось...» Сейчас человек стоял у огромного окна «аквариума» и сквозь стекло пристально смотрел на Володю и гаишника. Взгляд у него был такой... запоминающийся. Володя повел глазами по сторонам, как будто в поисках укрытия. Только теперь заметил рядом с милицейской машиной с полосой и надписью «ДПС» припаркованную иномарку, по виду европейку. Он слабо разбирался в моделях, был не автолюбителем, скорее наездником. Но левый руль от правого отличить мог. Эта машина, ему показалось, – та самая, что он видел у придорожного кафе. Хотя номер он не помнил. «Приехали». Ладони стали липкими.

– Ты заснул, что ли, или больной? Эй, парень! – гаишник, потеряв терпение, шагал ему навстречу. – Документы, пожалуйста, на машину и водительское.

Володя машинально протянул документы. Тот внимательно посмотрел все, сверил номер машины с номером на прикрепленном к ветровому стеклу техталоне.

– Пройдем внутрь, – предложил.

– Зачем?

Гаишник посмотрел на него как на полоумного.

– Тебя первый раз, что ли, останавливают на посту? Точно, больной, – стал объяснять нетерпеливо. – Машина нездешняя, не из города, надо пробить через компьютер – вдруг в угоне? Законная процедура, что неясно?

Вошли. Сержант, который его остановил, пошел к компьютеру. Человек у окна – он единственный был в штатском, остальные при мундирах – обернулся:

– Мы ведь виделись уже вроде. Нет?

– Виделись. В кафе, минут сорок назад. С вами еще двое были. – Володю вдруг разобрало зло. Чего, в самом деле – «виделись вроде». Интересно, что бы ответил тот, если бы Володя сказал – да что вы, впервые вас вижу? Даже пожалел, что не сказал. Главное, понял он: здесь они ничего ему не сделают. Слишком много народу – пять человек на посту, включая этого, в штатском. Ну не могут же они все быть бандитами! Штатскому хотелось нахамить, только он не знал, как.

– Угу. Были со мной еще двое, точно, – штатский отвернулся снова смотреть в окно. «Интересный разговор. Содержательный, главное».

– Проверил, товарищ майор, все в порядке, – оторвался от компьютера сержант. («Майор, значит».) – Машина чистая, принадлежит ему, – кивнул на Володю. Поймав его недружелюбный взгляд, решил смягчить: – Гражданину Свистунову.

– Ну и хорошо, что чистая, – обрадовался штатский-майор. – А сам-то гражданин Свистунов чистый?

Сержант посмотрел на него удивленно. А тот продолжал:

– Нечего ему сообщить карательным органам? Ну раз нечего, отдайте ему документы и – счастливого пути. Даст Бог, свидимся.

«Не хотелось бы», – подумал Володя. Документы взял молча и так же молча вышел. Штатский-майор некоторое время смотрел ему вслед сквозь стекло.

Глава 3

Володя Свистунов – журналист. Относительно молодой: двадцати пяти лет. Работал он до недавнего времени в маленькой провинциальной сельской газетке, жил в Городке. Писал про удои, посевную-уборочную, лепил портреты передовиков. Иногда раздражался гневными филиппиками в адрес тех, кто губит или загубил, точнее, бывшую советскую деревню, по-аптечному дозируя то лукавство, которое филиппики содержали. Ну, не сегодня же сгубили деревню-то, а лет эдак семьдесят назад с гаком. Властям и читателям, однако, это неинтересно. Власти интересно, когда ее щекочут, задирают, а правда о делах предшественников, тем более на сто рядов перепетая еще в перестроечные времена, ее никак не касается. Читателям тоже интересно про сегодня, про то, где именно находится тот крайний, что каждодневно портит им жизнь. Что крайний далеко – так это даже хорошо: смысл поиска виноватого не в том, чтобы его наказать, главное – найти его и указать: «Он!» И как-то уже легче на душе.

Но чаще Володя писал все же про удои-надои, про гнилые корма, низкое поголовье и плохие урожаи. Район для этого был самый что ни на есть подходящий: упадочный. Занимался он, словом, той безмерно скучной и лишеной всякой перспективы работой, которая делает жизнь провинциального, тем паче – сельского газетчика безнадежной. Если он не спивается к сорока – это, кстати, не показатель, ибо журналистская братия по части спиртного вообще могоуча, – то квалификацию теряет гарантированно. Если она была.

У Володи квалификация была. Он как-то скоро понял, что потерять ее, похоронить в этой газетке – значит не просто лишиться профессии, а закрыть для себя всякую жизненную перспективу. Это да еще семейные сложности заставили искать связи в областном центре Краснохолмске. Стал описывать провинциальные скандалы, выискивать чернуху для одной бульварной газетки. То еще творчество, ничуть не лучше, чем про удои писать. Но другого способа пробиться не было.

А уезжать надо было срочно. Ячейка общества дала трещину, и в трещину эту вползал тяжелый могильный аромат непонимания и постоянного раздора. Причина банальна. Жена – на три года моложе Володи, умница и красавица, – любила его до умопомрачения. Тяжело ревновала. Было, к кому. Он охотно затевал романы, потом трудно из них выпутывался, и то ли неуклюж был очень, то ли потому что Городок маленький, только все его романы в подробностях становились известны дома. Дошло до курьеза, который задуман был как трагедия. Однажды застал жену вдребезги пьяной и зареванной, квартиру – в дыму. Долго не мог добиться, что случилось. А случилось то, что жена пыталась покончить с собой. Напившись для храбрости коньяка, как самый безболезненный способ она выбрала смерть от электричества. Помешали избыток коньяка, а главное – чисто женская абсолютная неспособность к технике. Не те провода оголила, не то воткнула в розетку, в результате сгорел музыкальный центр, причем так сгорел, что нутро оплавилось, а металлический корпус деформировался от температуры.

Тогда Володя понял: надо как-то в жизни определяться. Жену он любил, и мысль об окончательном разрыве была мучительной. Но ничего не мог поделать со своей натурой. И ведь не то чтобы женщины охотились на него – это хоть как-то его оправдывало бы... ну, хотя бы в собственных глазах. Охотился он, и почти всегда успешно.

Короче, с семейной жизнью пришлось кончать, и это совпало с удачным знакомством в Краснохолмске. Были какие-то выборы, Володю случайно позвали в команду – обрабатывать провинцию, он познакомился с редактором одной городской газеты. Редактору понравились оригинальный стиль, живость, аналитический ум, а главное – иронический склад. Над некоторыми выборными заметками, особенно по-черному малюющими соперника их кандидата, ржал весь штаб. Кроме самого кандидата – у того с чувством юмора оказались проблемы.

В общем, редактор позвал Володю в областной центр. С одним, правда, условием: приезжает со своей темой, месяц работает только за гонорар, после его судьба решается окончательно. При этом редактор обещал за счет конторы оплатить жилье, которое придется снимать, если его стоимость не превысит разумных пределов. Что такое «разумные пределы», редактор благоразумно промолчал.

Вот и ехал теперь Володя в город, изначально уже нарушив первое условие договоренности с редактором: своей темы у него не было. Не придумалось. Пока не придумается, он решил в редакции не показываться, пожить в гостинице. Некоторые финансовые запасы у него были, деньгами он особенно не дорожил, и гостиница, пока хватит денег, не пугала.

Глава 4

Было около девяти утра, когда белая подержанная «королла» со Свистуновым подъехала к гостинице. Как бы свободно он ни относился к деньгам, их свойство кончаться в самый неподходящий момент было ему известно. Поэтому гостиницу пришлось поискать, исходя из соображений экономии. Вообще жить в гостиницах ему приходилось крайне редко. В районной газете дальние командировки – редкость, а ближние, как правило, укладываются в один день. Да и сельская гостиница (там, где она есть) – вовсе не то, что городская. Как-то не столько дела службы, сколько очередной роман занесли его в одно довольно большое хакасское село недалеко от Абакана. Гостиницу он едва нашел – это была та еще гостиница. Простая деревенская изба с кривыми стенами, от которых кусками отваливалась штукатурка, клопами и невероятным количеством мух – дело было летом. Но больше всего его почему-то удручило не это, а то, как переврала его фамилию, выдавая квитанцию, заведующая этим заведением. В одном слове она умудрилась сделать три ошибки: она написала «Свездунов» вместо «Свистунов». Заведующая была преклонных лет, но русская, не хакаска. Интересно, а что бы написала в таком случае хакаска? Именно после этой истории Володя дико невзлюбил гостиницы вообще и сельские – в частности, а особенно почему-то возненавидел процедуру заполнения разных бумажек.

Бумажки пришлось все же заполнить. Несмотря на совершенно неприветливый вид администратора и преклонные года гостиницы, Володе дали вполне приличный одноместный номер – чистенький, с туалетом и стоячим душем. К тому же стоил он относительно недорого. Во всяком случае, на несколько дней здесь остановиться было не слишком разорительно для карманного бюджета. И уж клопов точно не было.

Володя побрился, принял душ, с удовольствием растянулся на кровати – и мгновенно уснул. Сегодняшний – первый – день в Городе он решил целиком посвятить саморазложению. Надо было прийти в себя и после дороги, оказавшейся чересчур утомительной, и после странного происшествия. Хотя – какое же происшествие? Володя стал свидетелем убийства, профессионально спланированного и мастерски реализованного. В котором к тому же, очень похоже, принимал какое-то участие некий майор с лицом плоским и незапоминающимся. Зато – запоминающимся.

Обо всем об этом Володя не думал, нервная система у него была в относительном порядке, и сон случился крепкий. Он бы так и спал, пожалуй, если не до утра, то до вечера, но – разбудили. В дверь постучали сначала тихонько, потом настойчивей. Крепкий сон не мешал слышать сквозь него любой посторонний звук, даже не очень громкий, и Володя проснулся сразу. Чертыхнулся про себя: надо было повесить на дверь табличку «Просьба не беспокоить». Натянул джинсы, открыл, не спрашивая – кто. Давешняя администратор, оказавшаяся рослой и плотной тетей лет пятидесяти (когда она сидела за стойкой, Володя как-то не определил ни возраста, ни тем более роста и внушительности фигуры), теперь выглядела не так недружелюбно.

– Владимир Николаевич, вы меня простите, что разбудила, – заговорила она просительно. – У меня к вам очень большая просьба.

Тут Володя заметил за ее спиной какого-то маленького уродливого человечка с огромным кавказским носом и густыми бровями.

– Понимаете, Владимир Николаевич, у нас на гастролях известная столичная рок-группа, – администратор назвала группу, Володя тут же забыл. – Они все живут на одном этаже, в соседних номерах, им так удобно. А звукооператор...

Маленький человечек с носом немедленно выдвинулся из-за спины администратора и поправил:

– Звукорежиссер, прошу прощения.

– Да-да, звукорежиссер, то есть вот он, – указала она на человечка, – он припоздал, и нас не предупредили, и вышло, что номер у него двумя этажами выше. Хотя точно такой, как у вас. Но им это неудобно, и они очень просили...

Администратор уставилась на него в ожидании.

– О чем просили? – не понял Володя.

– Ну, номерами поменяться.

– А какой у него номер?

– Так я же говорю вам – точно такой, как ваш вот этот, 110-й. И душ, и туалет, и телефон – все там есть. И стоит ровно столько же. Вам все равно, никаких дополнительных затрат, а музыкантам это зачем-то очень уж нужно.

«Чтобы водку ночами вместе жрать», – подумал Володя. И вдруг сообразил:

– Это что – снова бумажки заполнять?! Нет, категорически никуда переселяться не стану! Пусть сами выкручиваются.

– Да не надо бумажки заполнять, не надо! Какая нам разница, кто где на самом деле живет? Лишь бы деньги платили вовремя, и все.

– Другое дело. Хорошо, я согласен. – В общем, в этом был свой плюс. Соседство с рок-музыкантами, которые, по слухам, порой имеют обыкновение вести себя достаточно неприужденно, – не самое лучшее соседство.

Маленький человечек, молча оттенявший администратора, посмотрел на Володю таким взглядом, будто намерен был целовать ему руки.

– Спасибо, друг дорогой! Очень выручили, – никакого кавказского акцента в речи не было. – Не знаю, чем вас благодарить. Хотите билет на наш концерт?

«Хорошие группы в дешевых гостиницах не живут», – подумал Володя и вежливо отказался.

– Ну что ж, господин Зберович, переносите ваши вещи и меняйтесь ключами. Горничных я предупрежу, – сказала администратор и удалилась. Большой нос маленького человечка оказался вовсе не кавказским.

Номер, в который Володя переселился, и правда ничем не отличался от прежнего. Спать больше не хотелось, да и не имело смысла: ночь впереди. Зато очень хотелось есть. Володя вспомнил, что мечтал об этом, еще когда ехал по трассе. Расстройство желудка прошло сразу после эпизода с крушением джипа, и теперь Володя остро ощущал голод. Перенеся вещи двумя этажами выше, он оделся и вышел на улицу.

Город выглядел в общем вполне обыкновенно и вблизи представился Володье точно таким, каким он представлял его раньше, наезжая весьма редко. Теперь, намереваясь остаться здесь по крайней мере надолго, он обнаружил в себе другое зрение. Глаз стал подмечать детали, до того времени не замечаемые. Центр, неподалеку от которого располагалась гостиница, теперь целиком превратился в деловой. Все или почти все первые этажи зданий были проданы, в них разместились большей частью магазины дорогих и престижных промышленных товаров – одежды в основном, – меньшей частью – офисы фирм и продовольственные магазинчики. Знакомые журналисты во время выборов рассказывали, что для выведения жилого помещения в нежилой фонд коммерсант, заинтересованный в помещении, должен уплатить круглую сумму только для того, чтобы поданные им документы вообще стали рассматривать. Сумма называлась «спонсорской помощью Краснохолмску», коммерсанту взамен давали красивую с позолотой и в рамке грамоту, свидетельствующую о его безудержном патриотизме, деньги проводились вполне официально, а вот как они расходовались, этого не знал не только коммерсант, но и те, кто их принимал и проводил. Система мягкого выкручивания рук бизнесменам действовала в областном центре много лет, результат был на лице города: фигурно мощные тротуары, сумасшедшее количество фонтанов (на зиму их заботливо консервировали), сравнимое с лучшими европейскими городами (а может, и не сравнимое: в Краснохолм-

ске их было больше сотни при населении около миллиона, мэр твердо обещал построить еще штук десять) и, разумеется, сытые, а нередко и пьяные городские чиновники, – вот в самых общих чертах портрет Краснохолмска эпохи того мэра. Впрочем, областная власть была представлена личностями еще более масштабными, только если Краснохолмск все время что-то строил, пусть и приворовывая, то область не строила ничего, а только воровала. Обо всем этом, конечно, не мог думать Володя, потому как ничего этого не знал.

Итак, он рассматривал город и искал, где подкрепиться. Последнего оказалось много. Кофейнями, рестораничками и ресторанами Краснохолмск был забит. Как выяснилось, и цены – приемлемые. Володя, имея издавна страсть к изучению неизученного, зашел в первый по курсу и потом еще в несколько. Оказалось, цены отличаются порой на порядок, вне зависимости от качества обслуживания. Водка была везде хорошей, если брать местных производителей или, скажем, столичный «Кристалл», коньяк – везде барахло, а вина Володя не пил. Результатом тотального исследования стали ватные ноги и желание спать. С ногами Володя, как ни старался, справиться не мог, желание спать прошло само собой, как только снова обострилось желание спать. Похмелье удалось. Володя пришел в гостиницу, на автопилоте поднялся в номер и рухнул, едва успев раздеться. Сон был крепким и без сновидений. Утро – ранним. Володя не чувствовал наутро никаких признаков похмелья. Но даже если бы чувствовал, похмелье прошло бы скоро.

Хмурый администратор... чего я, собственно, именую его администратором? – хмурый портье, сменивший на посту давешнюю дородную коллегу, без слов принял ключ. Был он, кстати, не менее дороден, чем она. Взгляд его не касался Володи, а скользил мимо. Володя глянул. В вестибюле расположились человек в штатском и несколько милиционеров в форме. Что-то писали, по-тихому разговаривали между собой, громко и непонятно – по рации.

– Чего? – спросил у портье.

Портье, круглыми глазами глядя все туда же – мимо Володи, – сухими губами ответил:

– Жильца зарезали.

– Во как. Где?

– В 110-ом номере.

– В каком?! – обалдел Володя.

Портье вдруг посмотрел на него осмысленно.

– Ты кто?

– Я – жилец.

– И что? Чего ты так интересуешься-то? Не зарезали тебя – ну и газуй!

– Дядя, ты чего хамишь? Ты, дядя, соображаешь, что, если бы я остался в номере, в который меня поселили сначала, был бы уже не жилец? Потому что номер этот был – 110-й. Меня по-мирному попросили оттуда удалиться и заселили вместо меня этого... звукорежиссера. С еврейским носом.

Теперь обалдел дядя.

– Ладно, парень, извини. В нашей гостинице за те лет пятнадцать или больше, что я работаю, это – второй случай. Первый был – наркоман, сам себя порешил, еще в советские времена, и вот теперь... непонятно – кто, за что?

– Так, может, украли чего? Там же музыкальный звукорежиссер жил – аппаратура всякая, да и деньги, наверное, водились...

– Да в том-то и дело, что ни денег не взяли – были деньги, были, – ни чего еще. Аппаратуры там, понятно, не было, она у них – в камере хранения. Но вообще ничего не взяли, ни кошелек, ни записной книжки. Бритвой по горлу – и все дела.

– Ага, – сказал Володя, еще не очень поняв, что произошло. Но интуиция уже сработала. Мимо ментов, с видом постороннего, он не спеша прошел на улицу. Там, забежав в ближайшую харчевню – позавтракать все равно нужно было, – сделал анализ. Может, конечно, все – слу-

чайность, и человека убили просто из спортивного интереса. Но может быть, что интерес спортивный ни при чем. Что-то не очень много приходилось встречать на свете «бескорыстных» охотников на людей. На кошельки – сколько угодно, на квартиры, машины, тряпки, в конце концов. Но чтобы просто так, тем более когда кошелек имелся и деньги в нем – тоже, – что-то не припоминается. Есть не просто повод – есть необходимость допустить, что охотились на него. И зарезать должны были именно его. Просто исполнители не знали его в лицо, а знали только по тем данным, что были сняты на посту ГИБДД. Очень даже все сходится. Майор – соучастник удавшегося покушения на джип – видимо, несмотря на достаточно скромное звание, какой-то милицейский начальник. Хотя – почему милицейский? Это по-милицейски он – скромного звания, а кое-где, может, и большой начальник. Пахан. Зная, что Володя – свидетель убийства, в котором тот участвовал, зная его, Владимира Свистунова, данные – для этого единственно и задерживали его на посту ДПС, – гражданский майор попросту заказал его.

Все это, может, конечно, и не так. А если так? В непродолжительной журналистской практике, особенно в той ее части, которая была связана с выборами, Володя усвоил одну важную вещь: допускай худшее, если есть варианты. Это хоть как-то страхует. В данном случае выборов, конечно, не было. Но было другое. И в условиях этого другого самое надежное было – допустить, что охотились на него. Пусть даже, предположив такое, Володя сильно переплачивает за «страховку», но – целее будет.

Все это поняв, Володя вдруг не испугался. Впервые оказавшись в роли дичи, он почувствовал охотничий азарт. Почему-то все думают, что только охотнику свойственно это чувство – ничего подобного. Дичь тоже испытывает азарт, кроме страха. Описание состояния Свистунова-дичи поддается самому примитивному: «Ну, козлы!..» При этом Володя вполне осознал: из гостиницы надо сваливать немедленно. Что он и сделал.

Сдав номер и забрав машину со стоянки, прокатившись бездумно по городу и пережив окончательно происшедшее, Володя сообразил: сегодня или завтра в крайнем случае он обещал появиться тому самому редактору той самой газеты. Со своей темой. Так вот она – тема! Убийство... неизвестно кого неизвестно кем? Очень перспективная тема.

Окончательно изгнав из себя остатки сна и похмелья, Володя тормознул у газетного киоска. Скупив все городские и областные газеты, конечно же, нашел искомое. «Вчера утром на участке дороги от Краснохолмска в аэропорт, на... километре водитель джипа „мерседес“, в котором находился директор „золотого“ завода Королев, не справился с управлением на повороте и слетел с дороги. В результате погибли оба – водитель и директор завода. Сотрудники ГИБДД, проводившие первичное расследование, подтвердили несчастный случай...»

Вот оно. Директора «золотых» заводов не скидываются с дороги просто так. Потому что «водитель не справился с управлением». Инспектора, конечно, подтвердили. А что они могли еще подтвердить? Там же наверняка майор был тот самый! Это – уже тема. Такого рода публикацию, конечно, можно было рассматривать как тайное предупреждение: на самом-то деле все было не так, и сотрудники ГИБДД, «проводившие первичное расследование», не могли об этом не знать. Значит, их купили или просто приказали молчать.

Такие же куцые сообщения были и в других газетах. Кроме одной. «Вечерний Краснохолмск» писал: «Трудно предположить, чтобы на пустынной дороге, и не в конце пути, а в самом начале, только выехав из города, опытный водитель (а водитель у Королева был опытный, это мы выяснили) не справился с управлением. Гибель директора завода, как ни цинично это звучит, была очень своевременной. Как мы не раз писали, сейчас вокруг завода кругами ходят желающие за его счет подкормиться. Королеву не раз делали очень заманчивые предложения, обещали сумасшедшие, просто немыслимые деньги за то, чтобы он ушел с поста директора. Тот не соглашался. Теперь место вакантно. Мы не исключаем, вопреки официальным сообщениям милиции, что имело место заказное убийство. Как не сомневаемся и в том, что оно никогда не будет раскрыто».

Публикация Володе понравилась. А главное – к редактору именно этой газеты он и должен был прийти. Участие свидетелем в убийстве давало козырь. Это уже была не просто тема – еще какая тема.

Глава 5

Газета «Вечерний Краснохолмск» располагалась на одиннадцатом этаже большого двенадцатиэтажного здания производственно-издательского комплекса. Поднявшись на лифте, Володя попал в длинный коридор, скудно освещенный лампами дневного света. Видно было, что ремонта здесь не было никогда. Обшарпанные панели на стенах и двери кабинетов сохранили и бережно донесли до этих дней советские представления о том, каким должно быть изнутри госучреждение.

Секретарша в приемной была, и очень даже ничего. Володя вежливо поздоровался. Та ответила так же вежливо и уставилась вопросительно. Свистунов раскрыл рот, чтобы объяснить цель визита – в это время распахнулась дверь редакторского кабинета и вышел он сам.

– О, привет! – сразу узнал он Володю. – Заходи, садись.

В кабинете, просторном и неуютном, был длинный стол для планерок, его венчал стол поменьше – редакторский. В углу стоял огромный, разбойничьего вида цветок с широченными дырявыми листьями и толстенным волосатым стеблем. Видно было, что за ним регулярно ухаживают – видимо, ухаживала секретарша, – листья блестели, земля в горшке была рыхлой. Все это, однако, не делало его менее разбойничьим.

– Садись, – повторил редактор. – Может, кофейку?

Володя отрицательно качнул головой.

– Тогда водочки? – пошутил редактор. Потом Володя узнал, что не очень-то и пошутил.

Володя опять отрицательно покачал головой.

– Тогда рассказывай, – посерьезнел редактор.

Свистунов рассказал не все. Рассказал, как ехал, что увидел, но не рассказал про гражданского майора и про то, как зарезали звукорежиссера рок-группы. Ни к чему расстраивать редактора. Потом все равно все станет известно. Но сказал о том, что есть предположения, и они могут подтвердиться.

– Ага, – сказал редактор. И между прочим спросил: – А того типа, в гостинице, зарезали вместо тебя?

Володя понял, что с этим редактором играть в кошки-мышки нет смысла. И рассказал все, как было.

– Круто, – сказал редактор. Звали его, кстати, Сергей Юрьевич, и был он, судя по виду, немногим старше Володи. Хотя восточные черты, которые в его облике присутствовали – сливами глаза, круглое лицо, кучеряво обрамленное, и нейтральная, но неизменная улыбка – возраст прятали.

– Круто, – медленно повторил он. – Как думаешь искать? Вообще – знаешь, кто такой директор «золотого» завода? Догадываешься, кто мог его грохнуть?

– Ничего я не знаю и ни о чем не догадываюсь. Тем выше чистота эксперимента.

– Ну-ну, – редактор улыбнулся. – Слушай – может, пригодится.

Он рассказал о том, что директор «золотого» завода – должность очень лакомая, что интересовала она многих людей, включая чиновников новой областной власти. Завод давал значительные деньги в бюджет, находился в государственной собственности, и, чтобы сменить директора, требовалось много чего. Это невозможно было сделать без согласия областного парламента, находящегося в оппозиции к губернатору, а главное – инициатором мог стать только сам директор, потому что был он уж больно на своем месте.

Как только пришли к власти в области новые люди во главе с отставным генералом, они стали делить заводы, которые могли хорошо работать и приносить прибыль. В том числе государственные. Директору золотого завода, Королеву Владимиру Павловичу, несколько раз пред-

лагали уйти по-хорошему. Мужик был гордый и независимый. Посылал. Вот и поплатился, скорее всего.

– Что – готов расследовать? – спросил редактор. – Откровенно говоря, ниточек – никаких.

Володя на несколько секунд почувствовал себя неуютно. Понял: редактор – не лох и знает, о чем говорит. С другой стороны, в кои-то веки появилась возможность по-настоящему доказать свою профессиональную состоятельность.

– Готов, – кивнул.

– Ну, гляди. С учетом сложности момента я тебе все-таки буду платить оклад, но срок остается прежним: месяц на все про все. Не справляешься – получаешь деньги минус гонорар, и расстаемся мирно. Справляешься – беру в штат. Зарплаты у нас средние, правда, но зато – престиж. Известность. Годится?

– У меня есть выбор? – улыбнулся Володя.

– Нет, – улыбнулся в ответ редактор.

– Еще вопрос. Ты мне обещал помочь с жильем...

– Не вопрос. – Редактор куда-то позвонил, что-то сказал... Володя не очень слушал. – Пойдешь по этому адресу, – редактор протянул бумажку, – скажешь коменданту – от меня. Они нам должны за рекламу.

Расстались практически друзьями.

– Так может, все-таки водочки – за знакомство? – на пороге спросил редактор.

– Да за рулем я!

– И что? – искренне удивился он.

Глава 6

В одном из тихих кабинетов «серого дома», как называли в народе областную администрацию, на третьем этаже сидел за столом тощий человек с узким длинным лицом. Глаза были неопределенного цвета. В сочетании с морщинами, аккуратно и экономно расположившимися на лбу, и необходимой чиновнику власти волевой складкой вокруг рта, глаза и вообще лицо производили впечатление ума и трезвости. Было ему лет сорок с небольшим. Если бы человек встал, он показался бы высоким. На самом деле рост его едва превышал средний, просто был он невероятно тощий.

Но человек сидел и вставать не собирался. Он задумчиво вертел перед собой маленький глобус весьма странного вида. Глобус это был – не глобус Земли. Географ пришел бы в состояние восторга или, наоборот, ужаса, не обнаружив на нем ни одного известного контура. Впрочем, если приглядеться внимательно, один знакомый контур на глобусе был: контур Краснохолмской области. И был это глобус области. Забавный такой сувенир. Отчасти золотой. Изготовили его на местном золотом заводе, специально ко дню рождения хозяина кабинета. Хозяином он стал сравнительно недавно, меньше года назад по приглашению главы области приехав из Москвы. Смысл сувенира был – перво-наперво следует изучить местность, куда приехал работать, чтобы не путаться в названиях и направлениях. Поначалу, когда после победы отставного генерала из «серого дома» помели всех бывших и привезли своих со стороны, случались казусы. Например, звонит высокий чиновник главе отдаленного северного района, куда – только самолетом, и требует через час быть на совещании. До района лету – два с половиной часа, и самолет летает туда дважды в неделю. Глава начинает осторожно чиновнику объяснять, тот, если совесть есть, конфузится и извиняется.

Были и обратные случаи. Вызванного на срочное совещание главу пригородного района, расположенного в двадцати минутах езды от областного центра, встречали участливым вопросом: «Как дорога? На сколько дней заказать гостиницу?» Вот и подарили очередному московскому чиновнику золотой глобус области, чтоб изучал на досуге.

Чиновника звали Леонид Георгиевич Васин. Было он заместителем губернатора области, курировал золотой завод, а заодно почему-то силовиков. Генерал-губернатор кроил власть в области на свой манер, потому порой логику назначений и распределения ответственности понять было сложно. Глобус Васину подарил директор завода Королев. Бывший директор. На столе перед Васиным лежала кипа развороченных и пестрящих пометками местных газет и милицейская сводка, тоже отмеченная, где надо, красным. Пометки делались там, где шла речь о гибели директора Королева.

Васин вертел глобус, когда секретарша доложила по селектору: «Леонид Георгиевич, Мичурин в приемной». Васин вздохнул, отложил глобус: «Пусть войдет». Сложил руки на столе в ожидании. Высокая дверь впустила в кабинет человека, в котором Володя узнал бы давешнего майора в штатском с плоским и незапоминающимся лицом.

– Добрый день, Леонид Георгиевич, – майор, фамилия которого, оказалось, Мичурин, прошел к столу, сел.

– Новости? – не отвечая на приветствие, но пристально глядя в глаза вошедшего, вопросительно произнес Васин. Голос у него был низкий, тон – властный.

– Хреновости, – огрызнулся Мичурин. Васин вопросительно поднял бровь. Майор покосился на стены. – Есть проблемы.

– Через полчаса – на Стрелке, – сказал Васин. Майор молча встал, так же молча вышел, не оглядываясь. Дверь бесшумно закрылась. Васин покрутил в руках глобус, чертыхнулся. По селектору приказал секретарше вызвать машину.

Через полчаса за столиком в одном из крошечных кафе в подвале на Стрелке, где в могучую сибирскую реку впадала другая, менее могучая, зато утомительно извилистая и длинная, снова встретились Васин и Мичурин. Заказав обед на двоих, Васин кивнул:

– Рассказывай.

– Рассказывать особенно нечего. Как вы просили, в детали я вас стараюсь лишний раз не посвящать, не царское дело – в дерьме ковыряться. Главное вы знаете... Но есть деталь, о которой вам тоже знать надо. В общем, на месте оказался случайный свидетель, который все видел и которому удалось уйти.

– Так, – Васин холодно глянул на майора. – Кто такой и где он теперь?

– Провинциальный журналист, как я выяснил. Данные его мы записали сразу же, на посту ГИБДД. В городе он остановился в гостинице – мои люди выяснили, в какой, – майор замолчал.

– Пасите.

Майор молчал.

– Что такое? – насторожился Васин.

– Это не все.

– В детали я не просил меня посвящать, – успокоившись, ровно сказал Васин.

– Придется, – усмехнулся майор. – Больно уж детали... крупные. В номер, где остановился журналист, вместо него вселили другого человека. А его переселили в другой номер. Мои об этом не знали.

– Черт возьми, – так же ровно произнес Васин, и только выражение глаз стало иным – жестоким. – Профессионалы, твою мать.

– Мои люди не могли знать о переселении. Тем более что карточка гостя не переписывалась, я проверял – там значился тот номер, в который журналиста поселили позавчера утром. В лицо его видел только я. Да и не больно-то разглядишь ночью, кто там валяется на кровати – русский или еврей.

– То есть?

– Ну тот, второй... он оказался звукорежиссером рок-группы... черт ее знает, забыл название. Фамилия его – Зберович. Не видели разве, в городе объявления повесили об отмене концертов этой группы?

– Делать мне больше нечего, всякой ерундой интересоваться, – отмахнулся Васин. – Ну, хорошо. А у него-то, у Зберовича этого, нельзя, что ли, поинтересоваться было, в каком номере он жил и где теперь журналист?

Мичурин коротко глянул на собеседника.

– Леонид Георгиевич, вы газеты читаете?

Васин снова насторожился.

– Сегодня, положим, читал. А что?

– Зарезали Зберовича. Ночью. Мои с ним уже с перерезанным горлом, так сказать, познакомились.

– Кто зарезал? – непроизвольно сморозил глупость Васин. Мичурин коротко и, кажется, слегка насмешливо взглянул на него:

– Хороший вопрос...

– Ни хрена себе, поворотики! – Васин отбросил салфетку. – Почему же я ни в газетах, ни в сводке этого не заметил? А, ну да, как я мог связать это с Королевым... Что будем делать? Есть какая-то информация о журналисте? Где он теперь, что делает?

– В том-то и дело, что нет. Видели его машину – он на «королле» – на стоянке, дальше потеряли. Из гостиницы он сразу же, утром еще, свалил. Значит, понял что-то. Утром-то мои еще не знали, что ошибка вышла, вот и не следили. Я там дал по линии ГИБДД осторожную команду – если где мелькнет, чтоб сообщили. Но вы же понимаете, сильно светиться нельзя. Давить я на них не могу, другое ведомство.

– Ладно. Пока будем ждать. Если журналист провинциальный, он вряд ли скоро прочухает, что к чему. Если приехал работать, все равно засветится – имя его запомни, как отче наш. А если так, по делу или поболтаться, так он нам и не нужен. Вернется домой – забудет все, как страшный сон. Будет если кому рассказывать, так все равно как приключение. В общем, ждем. Пусть твои мичуринцы, если где его обнаружат, в любом случае глаз не спускают. Но пока лучше без резких движений. И о каждом эпизоде – мне. Звони напрямую, только – сам понимаешь, не трепись по телефону. Давай теперь, обедай – и уходим.

Знай Володя, кто именно объявил на него охоту, он бы, наверное, все-таки испугался. Контора, в которой служил майор Мичурин, собственных ошибок не прощает никому. Многие, впрочем, в этой конторе служили верой и правдой не столько ей, сколько другим, которым контора помогала делать бизнес. На современном милицейском языке это называется крышевание. Но майор к милиции отношения не имел. Он с ней поддерживал отношения. На частном уровне.

Ничего этого Володя не знал. А потому не испугался.

Глава 7

Общежитие, адрес которого дал Володе Сергей Юрьевич, находилось в шести остановках от редакции «ВК». Был это, считай, центр города. Хотя вид – и внешний, и внутри, – как у всякой общаги, отменно непрезентабельный. Пожалуй, единственное, что как-то этот вид скрашивало, – армянское кафе внизу, на первом этаже. Оно так и называлось: «Армения». Надпись была сделана на двух языках. Входить в него надо было через соседнюю с главным входом дверь. Володя перепутал двери и вместо общежития вошел в кафе. Было там довольно уютно. Столиков немного, крохотные, но в этом заключалась своя прелесть: сидеть за такими столиками можно было только вдвоем. Друг от друга они не отделялись ничем, но мягкий свет расположенных по стенам светильников был направлен так, что рождал иллюзию изолированности.

Гардероб был закрыт на маленький висячий замок – время не совсем урочное, – но, улыбаясь, навстречу Володе вышел упитанный человек нерусской национальности.

– Пообедать? Выпить? – широким жестом он пригласил: раздевайся, проходи, садись.

– Да нет, спасибо. В другой раз. Я, видимо, дверью ошибся. Мне в общежитие.

Человек ничуть не разочаровался – кажется, наоборот, даже стал еще радушнее.

– Ну да, это соседняя дверь, – несмотря на явно кавказское происхождение, говорил он по-русски прекрасно. – Надумаете к нам позже – со всем нашим армянским удовольствием!

Чтобы так выразиться, надо хорошо русский язык знать. Впрочем, кого только сегодня не приходится видеть в сфере обслуживания, если ее можно теперь так называть. Случаются и бывшие филологи.

Раскланявшись с гостеприимным официантом ли, администратором или вовсе хозяином – кто его разберет? – Володя открыл, наконец, нужную дверь. На вахте ему молча указали, по какому коридору пройти к комендантше. Так же без слов та, маленькая и сухая, как трость, женщина неопределенного возраста, взяла у него из рук записку и, только прочитав, предложила сесть.

– Сколько? – спросила, пристально глядя на Володю

– Что – сколько? – растерялся тот.

– Сколько будете жить?

– Да бог его знает. На сколько поселите...

– Хорошо, – помолчав, ответила комендантша. – Мы конторе вашей должны примерно в размере месячной оплаты по нашим ценам – значит, месяц спокойно живите. Захотите пожить еще – если понравится, придется платить.

– Сколько? – немедленно отреагировал Володя.

– Ну, пока ведь платить не надо? – улыбнулась комендантша. – Комнату сейчас покажу, белье прикажу принести. Вопросы?

– Один нескромный, – обнаглел Володя. – Если не секрет, за какую рекламу может задолжать общежитие газете?

– При чем тут реклама? – искренне удивилась хозяйка общежития. – У нас с вашей газетой счета по другим статьям.

– Понятно, хоть и не очень. Ну да ладно, не мое дело. – Комендантша молча выразила полное согласие с последним утверждением. – Тогда еще вопрос. Мы не познакомились...

– Почему же? Я знаю, как вас зовут, – кивнула она на записку.

– Простите, а ваше имя-отчество вы мне не хотите сообщить? – слегка обозлился Володя.

– Не думаю, что нам придется общаться. Но если вы настаиваете – пожалуйста: Лидия Николаевна. Больше вопросов нет?

...Комната, которую ему отвели, была совсем небольшой, квадратов девять. Сетка на кровати, как водится, панцирная и изрядно продавленная. Все, правда, чистенько, стены недавно оклеены новыми обоями, линолеум на полу не покорежен, есть стол, который даже не шатается, единственный, но вполне добротный стул, и крохотный платяной шкаф. Сойдет. Белье, действительно, принесли немедленно – принесла сама комендантша, чего ждать от нее было трудно после странного приема. Сгрузив на кровать простыни и одеяло, она уже в двери вдруг спросила:

– Специфику нашего общежития знаете?

– Нет, – растерянно ответил Володя. И непроизвольно пошутил: – А что, здесь голубые живут?

– Дурацкая шутка, – без всяких эмоций отметила комендантша. – Здесь живут в основном выходцы с Кавказа – чеченцы, дагестанцы... В этом и заключается специфика.

– А кафе внизу вроде армянское? Ну, по названию если...

– Армянское, – внимательно посмотрела она на Володю. – И не только по названию. Просто чеченцы, живущие здесь и контролирующие это общежитие, сами ничего делать не хотят. Кафе армянское возникло еще до них. А потом... договорились. Армяне, хоть их диаспора в Краснохолмске влиятельней и больше, пошли на компромисс. Никто никому не платит, но чеченцы и дагестанцы пользуются кафе по льготным ценам. Считаю, бесплатно.

– Как интересно, – сказал Володя. – На чем это чеченцы армян прихватили, что те согласились на такой компромисс?

– Ни мне, ни вам знать об этом лучше не стоит, – улыбнулась комендантша. – И, предваряя ваш следующий вопрос: я работаю здесь по двум причинам – из-за денег, которые мне платят регулярно, и по привычке. Я здесь давно.

– Честно говоря, вы не похожи на работника коммунальной сферы...

– Я не всегда работала в этой сфере, – коротко ответила комендантша.

Поняв, что большего она не скажет, Володя осмелился все же задать последний вопрос.

– А кому вообще принадлежит общежитие? Мне Сергей Юрьевич ничего об этом не сказал.

– Официально – коммерческому институту. Удовлетворены?

– Вполне. Спасибо вам большое за интересную информацию.

– Честно говоря, я вам эту информацию дала исключительно для прикладного использования. Надеюсь, она окажется вам полезной, – с этими словами Лидия Николаевна закрыла за собой двери.

«Черт возьми, какая интересная тетка!» Володя так и не понял, сколько «тетке» лет. Ну уж никак не меньше полтинника, точно. А скорее, больше.

Растолкав немногие вещи в тесный шкаф, он ощутил потребность сесть и спокойно обдумать все, что ему известно.

Итак, «золотого» директора столкнули с дороги вместе с шофером. Операцией руководил – по крайней мере, на месте – некий милицейский майор. Значит, милиция в какой-то части прикуплена. Кем? Понятно: кем-то из команды нового губернатора. Редактор, кстати, обмолвился: генерал, хоть и сам изрядный отморозок и хапок, может знать не обо всем, происходящем в его епархии. А если, например, там – борьба кланов, и главу в это дело не только не посвящают, но и всячески стараются запутать, чтобы в мутной воде выловить свою большую рыбу? Судя по тому, что Володя видел сам с экрана разных – и ручных, и оппозиционных – областных телеканалов, генерал – человек эмоциональный, невыдержанный, поддающийся внушению. Такого человека, будь он хоть каким начальником, при умелом управлении «снизу» легко натравить на кого угодно. Впрочем, это все – домыслы. Пока ясно одно: директора убили по желанию больших людей. Скорее всего, людей из самой областной власти. И при

участии милиции. Или... Стоп. А почему, собственно, милиции? Есть ведь и другие ведомства. Майор был в гражданке, так что может служить где угодно.

«Золотой» завод – аффинажное предприятие. Занимается переработкой золота. Конечная продукция – слитки, которые покупают банки и государство. В советские времена «золотые» заводы курировала «контора глубинного бурения»: КГБ. Контора переименовалась, но никуда не делась. У нее на любую власть есть компра. Новый хозяин еще только подумал влезть на правление, а в конторе уже папочки пухнут от информации. Информация, между тем, – штука вполне материальная, имеет ценность и цену. Цену можно назначить, а информацию продать. Причем извлечь из этого не только сиюминутную выгоду. Таким образом курирование могло превратиться в крышевание. Могло и не превратиться, если руководитель завода попался упертый.

От разных коллег, с которыми судьба небогато, но все же сводила Володю, он знал: милиция и эфэсбэшники по всей Руси великой соперничают между собой за зоны влияния. И те, и другие беззастенчиво занимаются крышеванием разного рода бандитов и жуликов. Преступный бизнес в столице и провинции отличается только масштабами. Краснохолмск с Москвой не сравнить, конечно, но и здесь заводы делят, за них воюют между собой отнюдь не праведники. Еще на изломе прежних времен, когда было уже ясно, что дряхлое прошлое социализма позади, когда наступил угар перекройки всего, что поддается и нет, в разных концах страны захлопали выстрелы. Они возвещали пришествие нового хама на смену прошлому. Этот был таким же беспредельщиком, как те, если сравнивать с послереволюционными временами. На всяких стратегических предприятиях стали мочить почем зря красных директоров, успевших урвать кусок приватизационного пирога и ни за что не желавших делить его с кем-то. Потом, когда директора поумнели и научились делиться, выстрелы понемногу стихли. Хотя тех, кто мешает, убивать не перестали. Их стали убивать по-другому – грамотно, по-тихому. Автоматы хороши в боевиках. В жизни надо, чтобы люди верили: новые хозяева – цивилизованные, культурные, крови отродясь не видели.

Если верить тому, что слышал он от редактора, директор Королев был человеком неуступчивым, к которому на кривой козе не подъедешь и за деньги которого не купишь. С другой стороны, был он известным меценатом, подпитывал культуру, и просто так прессануть его – дело опасное. Взвоят общественное мнение, и никакой компромат не поможет. Выход один: убрать. И убрали.

Так думал Володя, не подозревая, насколько близок он к истине. Неудивительно. Логика действий новых хозяев жизни складывалась настолько деревянной, что разгадать ее было несложно. Даже такому малоопытному журналюге, как Вова Свистунов.

Полноты картины не хватало. Лучший выход, решил Володя, внимательно полистать газетные подшивки последних полутора-двух лет. Газеты разные, есть среди них и те, что стелются под новую власть. Авось, чего и найдется полезного. В областной библиотеке доводилось ему бывать и прежде. Туда он и отправился. Пешком, ибо располагалась она неподалеку.

Глава 8

Был вечер, когда Володя вышел из библиотеки. Горели фонари, летел снежок. Машины сосредоточенно тарасились сквозь него, медленно пробираясь в вечернем потоке. Было довольно тепло. Хотелось есть. Он вспомнил об армянском кафе.

Ничего особенного он в подшивках не нарыл, но польза все же была. Относительная полнота картины сложилась. Новая областная власть с первых дней окружила себя холуями и хамами, большей частью приезжими, хотя случались и местного разлива. Те приехали откровенно наворовать, местные – урвать давно вожделенное, многое растащили в первый же год, за остатки борются до сих пор. В том числе и между собой. Если прежние чиновники крали застенчиво – ну, там, леспромхозик какой под свой контроль взять, детишек за границу отправить за счет спонсора, а тому посодействовать в получении, допустим, недвижимости, – новые тасили заводами, а то и отраслями. На «золотой» завод делали несколько заходов. В одном случае требовали мзду в качестве спонсорской помощи некоему новому хулиганско-молодежному движению. По слухам, директор, хоть и не молод был, спустил просителей с лестницы. В буквальном смысле. По крайней мере, такая история в разной степени подробностях была описана в нескольких изданиях – и оппозиционных, и верных власти. Разница заключалась в оценках.

Просителей, а скорее – вымогателей было двое. Один из них – молодой и ушлый генеральский зам уголовной внешности, второй отморозок – его телохранитель. Минувя секретаршу, вошли в кабинет, расселись у директорского стола, протянули бумагу: «Подпиши». Тот молча прочитал, сказал: «Пошли». Бумага была – болванка приказа за его подписью о выделении больших денег для молодежного движения. «Ты здесь подпиши», – сказал генеральский зам. «Говорю – пойдем в бухгалтерию, там и выдам сразу, – сказал Королев. – Наличными». Те и правда пошли. Кабинет директора – на четвертом этаже. Пройдя через приемную и мигнув секретарше, у лестничной площадки Королев взял ничего не подозревавших бандитов под руки и спустил с лестницы. Зам сломал ногу, телохранитель башкой едва не прошиб насквозь стену. Дрессированная секретарша, понимавшая шефа с полувзгляда, тем временем по внутреннему вызвала заводскую охрану. Охрана вежливо усадила визитеров в их «мерседес». Те отчалили. А Королев, вернувшись в кабинет, первым делом поинтересовался: как пропустили через проходную? Внешний охранник мямлил в трубку: «Так ведь – удостоверение зам губернатора!..» Охранника увольнять не стали. Уволили его начальника.

А потом по «вертушке» директор набрал генерала и сказал ему много ласковых слов. Этого, разумеется, никто не слышал. Но многие, знавшие Королева лично, догадывались, что он мог сказать. Опять же по слухам, обильно сочившимся из обиталища власти, ушлый генеральский зам, срастив ногу, тоже узнал о себе много нового – уже из уст своего шефа. Во всяком случае, к этому вопросу больше не возвращались. Остальные заходы были осторожнее, цивилизнее по форме, хотя не менее корыстны по содержанию.

Обратить завод в частную собственность не позволял закон, поэтому выход – переменить власть. Волей государства. Губернатору внушили, что директор Королев устарел, новых отношений не понимает, рынка не чувствует, и его пора убирать. Губернатор, послушный, как флюгер, лично пытался убедить «золотого» директора сдать. Раза два приезжал на завод, беседовал за закрытыми дверями. В последний раз генерал сдался. Понял: этой крепости ему не взять. И попытки прекратились. Может, и не потому, что Королев его в чем-то убедил, а в конце концов просто побоялся, что запутают его, несильного в экономике, придворные воры, упустит он, что имеет, и нового не получит ничего. В общем, генерал от Королева отвязался. Другие, как видно, нет.

Из тех же газет Володя скроил для себя примерную расстановку сил в «сером доме». Действительно, было несколько кланов, каждый охотился за целым – и получал, как правило, кусок. Были и те, кто ничего не получал. В общих контурах картина рисовалась такая. Из приезжих две основные группы (вообще их было больше, но две оказывали особенно ошутимое влияние на генерала) – приднестровские, с которыми генерал либо был знаком лично по военной службе в Приднестровье, либо которые приехали по инициативе ближайших соратников, вторая – московская, представлявшая интересы разных финансово-промышленных групп, но сплотившаяся на фоне общей «темы», уже частично поделившая и продолжающая успешно делить областную собственность. Первая группа тесно контактировала с местными силовиками, на их стороне были главным образом милиция, давно крышевавшая бизнес, и некоторые чины – не самые высокие – из управления ФСБ. Кроме того, силовая поддержка, основанная на прямом финансовом интересе, оказывалась в Москве.

У «москвичей» такого мощного силового прикрытия не было, но зато, как и у «приднестровцев», были связи в столичных министерствах. Не силовых, но тех, чиновники которых запросто в нужный момент могли перекрыть финансовый кран, и область могла перестать получать деньги на социальные нужды. Это раньше она зарабатывала эти деньги самостоятельно, а теперь, расставаясь с некогда успешными заводами, все больше и больше зависела от Москвы. Существовали и кое-какие – не очень, правда, надежные – связи в Генпрокуратуре.

Еще одна группа – местные начальники, которых подозрительный генерал подпускал к себе не очень близко. Потому и влияния серьезного на него они не имели. Поначалу они были тесно связаны с одним из главных спонсоров генерала на губернаторских выборах – местным алюминиевым магнатом Петровичем, связи этой не гнушались и почти гордились ею. Когда же генерал банально кинул Петровича, не сдержав своих предвыборных закулисных обещаний, тот пошел на нового губернатора войной и войну проиграл, сменив в короткий срок уютный (хотя и не такой уж роскошный) коттедж в престижном месте на койко-место в СИЗО, – расклад сил поменялся. Местные чиновники, цепляющиеся за кресла всеми силами, дружно отмежевались от Петровича. Помогло это не очень. Кресла они удержали, но в дележе пирога оказались последними.

...Добредя неспеша до общежития, Володя в комнату заходить не стал, а сразу пошел в кафе. Свободных столиков не было. Кафе пользовалось популярностью. Откуда ни возьмись, выскочил навстречу давешний не то хозяин, не то администратор:

– Вечер добрый! Рад очень, что поселились у нас!

– Вы-то откуда знаете? – удивился Володя.

– Жена сказала, – мягко улыбнулся армянин. И пояснил: – Жена моя – комендант общежития.

– Понятно.

– Сожалею весьма, но место свободное только одно. Зато – рядом с прекрасной дамой! Если она, конечно, не возражает...

Единственное свободное место, действительно, было за двухместным столиком, где сидела дама примерно Володиных лет. «Разрешите?» – спросил. Дама кивнула. Армянин нечувствительно исчез, кивком отправив вместо себя официанта. Дальше было, как всегда. Познакомились. Звать Света. Не худая, не толстая. Роста вроде среднего, хотя сидя не поймешь. Кругловатое лицо, серые выразительные глаза, короткие светлые волосы. Не красивая, но и не некрасивая. Приятная. И неглупая, оказалось. Парикмахер, работает здесь же. «Хочешь, постригу так, как тебя никто еще не стриг?» Выпили вина. Выяснилось, дама живет в этом же общежитии, этажом выше. Одна. Когда поднимались к ней, спросила загадочно: «Не боишься?» «А что, тайный муж есть?» – ответил Володя. Света внимательно посмотрела на него. «Ну, если не боишься...»

Ночь описывать излишне. Была она жаркой и щедрой для обоих. Такой смелости можно было ожидать либо от очень близкой, либо от совсем случайной женщины. По всему судя, Света давно не имела дела с мужчинами.

А утро случилось таким, каким его Володя представить не мог.

В дверь постучали. Света, накинув халат, открыла, не спрашивая. Вошли трое. Все – кавказцы. Один постарше, лет двадцати шести, другие – сопляки совсем, едва ли совершеннолетние. Свете сказали что-то не по-русски – она ушла в угол, села на стул молча. Глазами извинялась: «Я же тебя спрашивала – не боишься?» Один из вошедших подошел к Володе, сказал коротко: «Одевайся!» Кое-как натянув штаны, Володя тут же получил по морде. Отлетел на кровать, вскочил, встал в стойку. Драться не умел и не любил, но чтоб по морде на халяву... В общем, решил с честью помереть.

Ударивший, который постарше, внимательно оценил стойку. Усмехнулся. «Ты же вроде боксом никогда не занимался? А стойку держишь правильно. Ладно, расслабься. Не узнал? Служили вместе».

– Мать твою!.. Мага!

С чеченцем Магомедом были они в армии почти не-разлей-вода. Служили в одной роте, в одном взводе, учили курсантов водить танки – номера машин были соседние: у Володи 99, у Маги – 100. Не раз бывали на маршах, не раз тайно вместе кушали водочку. Мага, как кавказский человек, не признавал в армии стариковства и не раз выручал Володю от побоев. Просто становился к стенке, прикрывая его, брал в руки табуретку или что потяжелее и говорил: «Ну, пробуйте, кто потрезвее и посмелее». Языком русским он владел лучше, чем многие русские: на «гражданке» служил преподавателем русского на филологическом факультете Ростовского университета. «Старики», матюкаясь, отступали. Понимали по глазам: стоять будет до последнего, либо убьет, либо погибнет. Володе потому если и доставалось от старослужащих, то редко и так, чтобы Магомед не видел. Пару раз строптивного чеченца пытались побить втемную, ночью, – но как-то так случалось, что он оказывался к этому готов. В результате несколько человек оказались в медсанчасти с переломами – Магомед, даром что филолог, занимался боксом и самбо, – другие пытаться перестали. Так вышло, что предупреждал Магомеда о готовящихся разборках Володя. Дружба их длилась все два года, начиная с «учебки», и прекратилась, как водится, с дембелем. Писали друг другу некоторое время, потом закрыли дела, писать перестали. В общем, перестали и помнить. И вот – такая встреча...

– Давай, я тебе тоже в ответ по морде дам? – весело предложил Володя, потирая челюсть.

– Не вопрос – вот она, моя морда! – так же весело ответил Мага. Обнялись. – Извини, не сразу тебя узнал.

– Да, я заметил.

На лицах пацанов, пришедших с ним, и Светы отчетливо читалось недоумение.

– А чего это вдруг ты на меня накинулся? – спросил Володя.

– Дело серьезное, – ответил Магомед, и действительно посерьезнел. – Понимаешь, был у нас друг общий, муж этой вот... Светы. Промышлял маленько всяким... Рынок был под ним один, еще кое-что по мелочи. Убили его. Он чувствовал, что охотятся. В городе после того как Петровича посадили, беспредел снова начался, а он был человек Петровича. Чувствуя, просил нас: «Убьют – Свету берегите. Пускай ни с кем не будет, замуж не выходит. Люблю ее сильно, станет мне и на том свете плохо, если она с другим». И уезжать из города в другие места не велел. Мол, когда помрет – чтобы рядом лежать...

– Глупость ведь! – не сдержался Володя, и на всякий случай прикрывшись от возможного удара. Магомед засмеялся.

– Согласен, глупость. Брат он мне, понимаешь? Не по крови – по жизни. Как ты, от смерти и побоев меня спасал. Как я должен поступить?

– Понятно. Ладно, что есть, то и будем есть. Что же ты, – повернулся к Свете, – не предупредила? А если бы не Магомед это оказался?

Света промолчала. Понравился он ей, и весь секрет.

– Ладно, – сказал Магомед. – Будем считать, всем нам повезло. – Он повернулся к пацанам – те, как вошли, так молча простояли по обе стороны двери, – что-то сказал по-чеченски. Пацаны все так же молча вышли.

– Кто такие? – спросил Володя, кивнув на закрывшуюся дверь.

– Земляки, не видишь? – усмехнулся Магомед. – Все расскажу потом. Забирай свои шмутки и айда ко мне.

– Во-первых, не шмутки, а шмотки – тоже мне, преподаватель русского языка!

– Ну-у, когда это было, – протянул Магомед.

– Во-вторых, забирать мне здесь нечего, потому как живу этажом ниже. И не делай таких больших глаз. Когда ты мне расскажешь, как здесь очутился, я тоже, наверное, удивлюсь.

– Выходит, мы с тобой снова в одной казарме, как шесть лет назад. Ну, тем лучше. Давай зайдем к тебе ли, ко мне, поговорим по душам. Прихватим чего-нибудь. Расскажем друг другу, как жизнь сложилась.

– Постой, Магомед... А как же со Светой быть?

– Да все нормально. Скажу другим своим пастухам, что предупредил я тебя – и ты понял.

– Ну а как вообще нам дальше-то?

– Не понял.

– Ты вот сказал, что всем нам повезло. А я что-то особого счастья не чувствую. Повезло, что я это оказался, и поэтому не убил ты меня, что ли?

– Я бы не убил тебя, если бы ты даже оказался чертом, – зло сверкнул глазами Магомед и хищно дернул усами – эту привычку Володя помнил у него по армии, так было, когда Магомед начинал злиться. – Я не мокрушник!

– Ладно, не мокрушник, – поспешно согласился Володя, но отступить не собирался. – И все равно – что нам дальше, по-твоему, делать? Допустим, сильно мне Света понравилась. И я ей, допустим, тоже. Понимаешь ведь ты, что брат твой по жизни глупость сморозил. Что ж ей теперь, всю жизнь за эту глупость рассчитывать?

– Я же сказал тебе – да, понимаю, глупость! – снова стал заводиться Магомед. – Хорошая она девушка, и в соку. Жить бы и жить, детей нянчить. Но я обещал, понимаешь?! Кто я буду, если обещание нарушу, какой мужчина? Да и не я один обещал. Другие придут – хуже будет. Я не спасу. Не сумею.

– Может, выкрасть мне ее? Вон машина-то, на стоянке...

– Джигит!.. Далеко ли уедешь? Знаешь, какие тут, в Краснохолмке, у наших прихватки? За город не успеешь выехать.

– Эй, вы, джигиты! – втиснулся в паузу тихий, но звенящий от ярости голос. – А вы меня спросили?

– Молчи, женщина! – отмахнулся было Магомед.

– У себя на Кавказе будешь рукой махать! – так же тихо и яростно прошипела Света. – Я не хуже твоего ваши обычаи знаю, не один год с Асланом прожила. Он и правда, хоть и мужчина был настоящий, а сглупил перед смертью. Там, – махнула она наверх, – небось, истерзался уж весь, кается. А вы тут за мной наблюдение устроили – и думаете, угодное ему дело делаете? Другой-то мысли, поумнее, в голову не приходило?

– Послушай, ты... – сделал к ней шаг Магомед.

– Да не пугай ты меня, Мага... Устала я бояться, – уже без всякой ярости сказала Света. – Я ведь подчиняюсь вам, пастухам несчастным, только до той поры, пока сама свой выбор не сделаю. А сделаю – либо сумею уйти от вас, либо... либо убейте! У вас есть, кому...

Повисла тишина. Магомед не нашел, что возразить. Да и не хотел возражать, по всему судя. Володя открыл рот, но Света его опередила.

– А ты, Володя... Ты не меня сейчас отстаивал, а свое на меня право. С какой стати? Его заслужить надо. Я девушка хоть и не горная, но гордая. Не поеду я с тобой никуда. Не пойду. И тебя попрошу больше не приходить. Если уж сама позову – ну, тогда пропади все пропадом, значит...

Володя как-то сразу понял, что спорить не будет. Испытал внутри облегчение. Постыдное облегчение: не он принял решение.

– Ну, вот и решили проблему, – усмехнулся. – Что ж, пока, Света. Спасибо тебе. Доволен, Мага? Идем.

Закрыв за ними дверь на ключ, Света взяла со стола сигарету, закурила. Стала смотреть в окно. Там опять летел снег, тихо, без ветра. Хлопья большие, как детские бантики. Людей на улице было немного, а те, что были, смешно по-лошажьи мотали головами, стряхивая с шапок снег.

Хорошо бы и правда уехать отсюда. С кем угодно. Хоть бы и с ним... И не потому даже, что надзор опостылел. Просто все как-то... замерло, когда Аслана убили. Его родные звали ее в Чечню, она даже раз туда съездила. Обошлись с ней ласково, приняли даже с некоторой торжественностью, знали, что сын погиб, как настоящий мужчина. Как мужчина гор – гордо. Побыла неделю. Вернулась, твердо зная: только не туда. Чужая... не республика – страна чужая, чего никак не могут понять наши тупые правители. И она в этой стране – чужая.

И все-таки – уехать бы...

Глава 9

Темнело, когда в кабинете Васина раздался телефонный звонок. Длинные сухие пальцы взяли трубку.

– Леонид Георгиевич, нашли, – без обычных приветствий произнес голос Мичурина. – Живет...

– Потом расскажешь, – прервал его Васин. – Пасите. Хоть теперь-то не упустите!

Васин положил трубку на рычаг. Уставился перед собой, на золотой глобус. Этот город и область эта раздражали его, как Ершалаим прокуратора Иудеи. Все здесь было чужое, все дышало враждой. Кажется, на каждом шагу, в каждой поездке, на каждой встрече с местными поджидала опасность. Местные большей частью новых чиновников не любили, и нелюбовь эта материальные черты обретала тогда, когда носители крутых мобильных, оплаченных московскими спонсорами, вынуждены были искать понимания у своих городских коллег. У тех мобильники тоже были. Понимания не было. Ясно, что и среди приезжих были деловые и знающие – Васин из таких, – но доказать свою профессиональную состоятельность и лояльность к Краснохолмску и области, народу, – доказать это было чрезвычайно трудно. Получается, невозможно. А там, где возможно, мешали другие – внутренние – причины.

Внутри «серого дома» одна за другой плелись интриги, сплетались в ядовитые клубки, как змеи. Новые управленцы, большей частью молодые, наглые, только что выбившиеся в московские бизнес-круги и направленные в провинцию наращивать мускулы, исправно занимались этим в борьбе с себе подобными. Совсем недавно сидя клерками в каких-нибудь второсортных столичных банках, коммерческих фирмах, а то и вовсе в «отмывочных» конторах, здесь они изо всех сил толкались локтями, норовя занять место, которое им казалось подходящим.

Генерал смотрел на это сквозь пальцы. Если вообще смотрел. Его самого сюда прислали, чтобы торжественно похоронить. Было время, когда он не в меру сильно засветился на российском небосклоне. Его сторонники уже видели в нем будущего президента страны. Еще бы – в выборной гонке стал вторым. Кремль и престарелый гарант забеспокоились. Тогда администрация гаранта сплела интригу, использовав собственные амбиции генерала. Ему внушили, что Краснохолмск – лучшая платформа, откуда можно впрыгнуть в президентский поезд. В противном случае этот поезд вот-вот отойдет, и станет поздно. Выборы генералу сделали без шума и пыли, а после позволили скоренько убрать тех, кто мешал или мог помешать: прежних чиновников, крестного отца города и области Петровича, собственными кровными заплатившего за губернаторство генерала, прочих. Одних сгноили в тюрьме по надуманным обвинениям. Выпускали, конечно, но были они после тюрьмы уже не люди. Других, как Петровича, пересаживали с нар одного СИЗО на нары другого.

Деловую элиту раскололи, она ничего не могла. Половина преданно заглядывала в глаза, норовя лизнуть руку или что пониже, половина сопротивлялась, но сопротивление это было вялым. Область же помаленьку разрушалась, и Москва то и дело стала намекать губернатору – не затем, мол, мы тебя править послали.

По мере того, как врубался новый губернатор в суть происходящего, и без того низкий лоб его становился еще ниже. В какой-то момент начал он понимать, зачем он здесь и кто его сюда посадил. Говорят, в кругу самых доверенных мог по пьянке запустить что-нибудь вроде: «Вы думаете, нужна мне эта власть – что здешняя, что российская? Да на хрена она мне нужна! И за державу больше не обидно, раз держава такая... скотобаза. Вот у меня в столе пистолетик лежит дареный, с которым я на дембель ушел. Ждет своего часа. Дождется. Смазал недавно...»

И потому кто, с кем и за что воевал в его собственном «кремле», было генералу в основном до фени. А интриганы пользовались невменяемостью вершины властной пирамиды.

...Васин подошел к балкону, открыл, выглянул наружу. Темно уже было совсем. Против «серого дома» виднелся такой же серый силуэт свергнутого вождя мирового пролетариата. Тот стоял спиной к администрации, в неизменной кепке, перед собою видя городской парк и празднично шатающуюся молодежь. Голая по случаю зимы сирень, проспект с ровными рядами машин, которых с каждым годом в Краснохолмске становилось все больше, – все это отделяло бывшего вождя от нынешних. Каменный идол, изнасиловавший целую страну, теперь показывает зад новой власти, им же, по сути, порожденной... «В этом что-то есть». Васин усмехнулся. Экая дурь в конце рабочего дня лезет в голову.

Сзади послышался шорох. Васин обернулся. Высокая дверь отворилась, в кабинет вошел Михаил Петрович Лесюк.

– Можно, Георгич? Там у тебя нет никого в приемной, так уж я без доклада, – в сказанном содержалась ирония. Следовало отреагировать адекватно. Васину было лень.

Лесюк служил в той же должности, что и Васин, то есть замом губернатора. Чем он при этом занимался, никто толком не знал. За глаза его называли «серым кардиналом», и, похоже, не напрасно. Губернатор держал его все время при себе, как главного помощника. Доверял ему, похоже, безгранично. Советовался. Многие решения, как догадывался Васин, только подписывались генералом. Принимал их на самом деле Михаил Петрович. Он же скрывался за кулисами многих интриг, сталкивающих лбами разные группировки в администрации. Сочинял блестящие сценарии – и с блеском осуществлял постановки. Между прочим, никакой не образ: до того как попасть на службу в ФСБ и оттуда уйти на пенсию (хотя Михаил Петрович был еще мужик крепкий; очень крепкий), успел он получить театральное образование, стать режиссером в одном провинциальном театре где-то в средней России и что-то поставить.

С генералом они познакомились в Приднестровье. Генерал командовал армией. Чем там занимался Лесюк, неясно. Был ли он в то время еще сотрудником спецслужбы или ушел уже на пенсию, никто этого не знал. То есть можно было, наверное, получить такую информацию в кадрах администрации. Но дело в том, что Лесюка боялись. Все. Включая, кажется, самого генерала. Этого Лесюк держал на каком-то прочном крючке еще, похоже, с Приднестровья. Другие боялись как интригана и мстительную личность, способную в любой момент вынуть из-за пазухи досье с компроматом на любого чиновника. Или почти на любого. Замараны были все. Вот Лесюк всех и повязал. Знал о каждом так много, что дешевле было его бояться. Да и вообще: известно – не бывает «бывших» офицеров ФСБ.

Одевался Лесюк довольно причудливо. Он ходил по администрации в мягкой кожи сапогах, армейских галифе и френче образца едва ли не Второй мировой. Знающие люди, однако, говорили, что все заказано у лучших мастеров, из лучшего материала и сносу не знает. Такой стиль. Голову Лесюк брил, отсюда возникла кличка: Лысюк. Курил исключительно папиросы. Хорошие, правда. Все это незнающему человеку было, во-первых, странно, а во-вторых, всякому выдавало в экстравагантном губернаторском зама человека не публичного. И настораживало.

По многим вопросам, связанным с деятельностью силовых органов, Васин волей генерала отчитывался перед Михаилом Петровичем.

– Не возражаешь, я присяду? – Лесюк сел к длинному столу, подтянул к себе пепельницу. Сам Васин не курил, но относился к дыму спокойно. – Ты, Леонид Георгиевич, знаешь: я каких-то особых подходов не люблю, предпочитаю сразу по делу. – Это и был один из его фирменных подходов – сначала сказать эту фразу, а потом долго доставать папиросу, которая непременно сломается – значит, доставать другую, дуть в нее, потом искать спички, прикуривать, затянуться – и вдруг закашляться минут на пять-десять, это зависело от того, чего он хочет от собеседника. В общей сложности процедура занимала с четверть часа. Не то чтобы она как-то особенно деморализовала – умные люди, не на допросе, понятно, что цирк. Но нервировала заметно.

Васин терпеливо ждал, когда Лесюк проделает обязательный номер. Наконец, тот откашлялся.

– Папиросы стали... говно на палке! – сердито сказал Михаил Петрович и широкой ладонью утер слезу. – Леонид Георгиевич, твои менты занимаются делом о гибели Королева?

– Только этим и занимаются, – усмехнулся Васин.

– И что – тишина?

– Михаил Петрович, так скоро только известно какие дела делаются.

– Ну да, ну да... Ну, а предположения какие есть?

– Разные. («Ну чего ты ко мне прицепился? Щупаешь меня? Ничего я тебе все равно не скажу больше того, что захочу, разведчик сраный!»)

– А поподробнее, – сделал голос серьезным Лесюк.

– Поподробнее? Да нет подробностей пока, я же говорю. Одно пока предположение: водитель не мог не справиться с управлением и самостоятельно свалиться с дороги. Он для этого был слишком опытный. Его столкнули.

– На чем основана такая версия?

– Это не версия. На джипе есть следы сильного удара со стороны водителя. Такого сильного, что он мог быть нанесен только большой машиной. На дороге остались следы торможения как раз такой большой машины. Возможно, это был КраЗ или что-нибудь в этом роде. На ней, конечно, тоже должны остаться следы. Но ни в городе, ни в ближайших деревнях пока ничего подобного не нашли. Все было продумано тщательнейшим образом и рассчитано до секунд.

– Вашим сыщикам известно, что маршрут, которым должен был следовать из города Королев, был изменен в последний момент? – впился взглядом в Васина Лесюк. «И это знает, паршивец. Откуда, интересно?»

– Известно.

– Причина? Почему он выехал не той дорогой?

– Разбираемся, – у Васина вдруг мелькнула еще не очень четкая догадка, – хотя... Не главный это вопрос. Какая разница – тем путем выехал или другим? Ждали его в том месте, которое он миновать в любом случае не мог. Михаил Петрович, а ваш-то вопрос с чем связан? Какое вы-то значение этому придаете? Может, я чего не знаю?

– Да есть у меня некоторые соображения. Я их пока при себе подержу, – Лесюк погасил папиросу. – В общем, ясно. Генерал интересуется лично этим делом. У них хоть и не очень были отношения, но... Так что, Леонид Георгиевич, как только какие новые детали, ты уж будь добр – мне. Удачи.

Лесюк мягко вышел из кабинета.

Васин посидел некоторое время молча, о чем-то думая. Потом набрал на «вертушке» номер.

– Привет, оппозиция. Васин это. Поговорить надо. Срочно. Твой интерес. Нет, не у меня и не у тебя. Хорошо, давай там. Через полчаса.

Глава 10

В общаговской комнатке Владимира Свистунова за столом сидели он и его армейский друг Магомед. Пили водку, закусывали консервами и колбасой. Запивали минералкой. Магомед рассказывал.

– Из армии вернулся, пришел туда же, где раньше работал. В университет. Вызвали к ректору, тот говорит: «Магомед Султангариевич, я вас очень уважаю, но есть обстоятельства». Я еще ничего не понял – что за обстоятельства, о чем он? «Недавно, – говорит, – был у меня разговор с одним шибко уполномоченным человеком, имеющим выход на самого президента. Он дал мне прямо понять, что ваше возвращение в университет нежелательно». Но почему, спрашиваю. «На Кавказе неспокойно. В Чечне. Вы – чеченец». Так я же не сегодня стал чеченцем, всегда им был! Преподавал ваш язык, который для меня – не то второй родной, не то первый, я уж и не знаю. Я вашу культуру, вашу литературу знаю лучше вас. Почему мое нахождение в университете так опасно? Я что – деньги ворую или убил кого? А он, подлец, и отвечает: «Вы – нет. Но ваши сограждане...» Вот ведь сволочь какая! Будто бы они не в России живут и не его сограждане в той же мере, что и мои. Я его взял за шкирку, тряхнул разок. Потом опомнился. Извинился даже. Он стоит, белый, губами трясет. Я говорю: «Извини, паскуда, что я тут два года тебе глаза мозолил, прикидывался хорошим преподам! Надо было мне раньше по голове тебе дать втихаря, чтоб точно знал, за что теперь меня выгоняешь». Он только сумел сказать, что, мол, не он виноват, если он меня не уберет из универа, его самого уберут. В общем, плюнул я, даже заявление писать не стал.

Магомед налил водки, молча выпили, куснули колбасы.

– Главное, что обидно-то: никак я не мог понять, что за ерунда такая, какой «уполномоченный человек», что за причина? Долго не понимал. Только потом дошло, когда первая чеченская кампания началась. Понимаешь, эти суки вот так заранее к ней готовились – почву подрабатывали, чтобы «шпионов» в тылу не оставить. А «шибко уполномоченным» мог быть только представитель президента, государево око.

Ну, а дальше что? Ушел – податься некуда. Жил я в Ростове в общаге, после армии этот паразит квартиру обещал дать. Из общаги, естественно, тут же попросили. Поехал домой, в Грозный. Ну, я там не в самом Грозном жил, а у брата в селении под Грозным. За несколько лет, что там провел, федералов возненавидел. Своими глазами посмотрел, что они там творят. Оружие они продают бандитам, я сам видел. С наркоты не слазят, женщин чеченских насилюют. Вот процесс сейчас идет по Буданову – думаешь, один он такой? Его просто сдали, как пешку. Там таких – сотни, как он. Ну, десятки, может. Но много.

С другой стороны, и наши не лучше. У брата в яме рабы русские сидели. Он их, как собак, держал, даже хуже. Я говорю: «Что делаешь, брат? Разве Аллах тебе такое простит? Рабство – средневековье это». Он смотрит на меня со злым сожалением – что брат я ему, что убить меня не может поэтому – и говорит: «Уезжай отсюда! Не я, так другие тебя убьют, будешь такое говорить!» И убили бы. Он бы и убил в конце концов. Вот я и уехал. Подальше, в Сибирь.

– Ну, а здесь-то что делаешь?

Магомед засмеялся, плеснул еще водки обоим.

– Бизнес. Небольшой, правда, относительно. Наши помогли, как смогли. Детали рассказывать не буду – уважать перестанешь. В общем, помогли... Есть несколько магазинчиков, павильонов. Живу, как могу. Машинка имеется. Хорошая. Женой вот, правда, пока не обзавелся.

– А чего живешь-то в общаге, раз бизнес у тебя прет? – Володя слегка захмелел.

– Ну, это простая история. В свое время, еще до моего приезда, один из наших... скажем так – неформальных лидеров нашел какой-то крючок, которым зацепил фигуру в коммерче-

ском институте – не то проректор он там, не то еще кто. Короче, общежитиями ведает. Тот вовсю торговал комнатами, мало того: в одном из общежитий у него был натуральный бордель. Амир как-то умудрился найти крутой компромат – с фотографиями постельными, с признаниями участников, даже с указанием сумм, полученных этим жуликом-проректором. Пришел к нему, едва попал на прием. А когда выложил все перед ним, тот чуть не обделался от испуга. Потому что у Амира и некоторых других наших... назовем их опять лидерами, – у них прихватки будь здоров. Да я тебе уже сказал об этом. Там и на ФСБ выходы, и на губернатора почти непосредственно, про ментов я уж не говорю. На всех уровнях. Амир этому жулику и предложил сделку: ты нам отдаешь общежитие, а мы никуда эти симпатичные бумажки не передаем. Но и не уничтожаем. В общем, выбора у проректора не было. Все прошло по-тихому, естественно, неофициально. Амир даже честно заплатил какие-то деньги.

– В смысле – взятку дал?

– Ну, если тебе так привычнее... Да не одну. Ректор там тоже покормился, еще другие кое-кто.

– А кафе армянское?..

– Оно здесь еще раньше появилось. Были кое-какие проблемы – Амир уладил. Честно говоря, не совсем мирно. Но договорились в конце концов. Работают, мы их не трогаем, они – нас. Кое-чем делимся.

– Ну, хорошо, общежитие ваше. Как я понимаю, вы его сдаете покомнатно и имеете с этого.

– Правильно понимаешь.

– Но ты-то что тут делаешь?! Есть деньги – купил бы себе квартиру, особняк построил. Видал, какие хоромы себе новорусские нынче мастерят?

Магомед усмехнулся.

– Ты выше своего шестого этажа в здание поднимался?

Володя отрицательно покачал головой.

– Тогда пошли.

Они поднялись на лифте до девятого этажа – всего их было десять, – вышли на площадку. Володя начал понимать. Площадка перед лифтом и коридор были отгорожены от лестницы узорчатой металлической решеткой. Сейчас решетка была распахнута, но на ночь, видимо, запиралась на замок. Снаружи на ней висел домофон, по которому можно было связаться с нужной комнатой. Решетка отпиралась автоматически из любой.

Магомед повел Володю по коридору. Сам коридор был, как и водится в общежитии, неширок, но щедро освещен, отделан дорогими панелями. Там, где коридор расширялся и образовывал небольшой холл, стояли мягкие кресла с пепельницами, сквозь широкие окна из пластика свободно падал дневной свет, под которым целлулоидно отливали широкие листья фикусов в кадках. Здесь же стояла небольшая пальма, а у стены пристроился огромный аквариум. Ухоженный, с прозрачной водой и диковинными рыбами. «Неслабо», – подумал Володя. По-видимому, и десятый этаж выглядел так же.

– Так же, – подтвердил Магомед. – Только там еще выход на крышу, в летний сад.

Магомед открыл свою комнату. Володя зашел – и замер от неожиданности. Натуральная трехкомнатная квартира. Просто три общежитских комнаты соединили в одну, добавили кухню и санузел. Как такая перестройка соотносилась с общей архитектурой и сантехнической системой общежития, для Володи осталось загадкой. Обстановка и отделка квартиры армейского приятеля особым шиком не блистали, но деньги во все это были вложены, по всему видно, очень хорошие. Сплошное ковровое покрытие делало шаги неслышными, мягкая уютная мебель звала присесть. Окна – широкие, пластиковые, ни шума, ни пыли. Тяжелые шторы на окнах, светильники по стенам...

– Ну, понял теперь, почему я здесь живу?

- Да уж как не понять... Не понял только, почему один?
- Успеется, – махнул рукой Магомед. – Что – выпьем еще? Есть вино хорошее.
- Это после водочки-то? Нет уж, лучше водки, если есть.
- Как не быть!

Магомед достал из бара водку, вытащил какие-то консервы, мясо в вакуумной упаковке. «Хоромы роскошные, а содержание – все равно одинаково холостяцкое, что у тебя, что у меня», – подумал Володя. Налили, чокнулись. А выпить не успели. Где-то недалеко внизу раздался глухой взрыв – такой, что пол дрогнул. Магомед выскочил в коридор, Володя за ним. Там ощутимо запахло чем-то... пиротехническим. Володя кинулся было к лифту – Магомед предупредил:

- В лифт не надо. Мало ли чего там...

Быстро спустились по лестнице. Чем ниже, тем ощутимее пахло какой-то дрянью, которая, надо полагать, и взорвалась. Ясно стало на шестом этаже. Сквозь сизый дым можно было различить: у комнаты, в которой вчера только поселился Володя, валялась оторванная дверь, вынесло дверь и в комнате напротив. В коридоре толпились жильцы, кто-то кому-то отдавал какие-то распоряжения – похоже, властный голос принадлежал Лидии Николаевне, но за дымом ее трудно было разглядеть. Володя осторожно зашел к себе. Кровать, шкаф – все было разнесено в щепки. Обои на стенах превратились в обуглившиеся клочья. Линолеум на полу завернулся и выгорел – им и воняло сквозь все этажи. Кто-то из соседей уже успел плеснуть на тлеющий пол воды, вонь понемногу становилась меньше. Окно вылетело вместе с рамой. В этом был свой плюс: дым рассеивался. Под окном разворачивалась пожарная машина – кто-то подсуетился, хотя тушить было нечего. Володя вышел на площадку. Мутило: нанюхался. Кружилась голова. Рядом оказалась Лидия Николаевна. Володя спросил:

- Никто не пострадал?
- Есть. Девочку 11-летнюю в соседней комнате покалечило дверью.
- О господи! – простонал Володя. – Насмерть?
- Я же сказала – покалечило. Похоже, позвоночник сломан. Увезли в больницу. – Помолчав, добавила: – Вам бы тоже в больницу надо. На вас лица нет.
- Мне-то зачем? Я в порядке. Просто гарью надышался. Пройдет.

Магомед подошел, тронул за плечо.

– Пойдем. От твоих вещей, судя по всему, ничего не осталось. Пойдем, посидим у меня, дальше придумаем, как быть.

Володя подчинился. У Магомеда первым делом выпил невыпитую рюмку, тут же налил еще – и тоже выпил. Руки дрожали. Магомед внимательно наблюдал за ним. Наконец спросил:

- Рассказать ничего не хочешь?

И Володя рассказал ему все то небольшое, что знал и чему был свидетелем. Что видел по дороге в Краснохолмск, как в гостинице по ошибке вместо него зарезали ни в чем не повинного звукорежиссера, о том, как попал в общежитие и что намерен делать дальше. Магомед изредка наливал, молча, не перебивая, слушал. Потом плеснул еще раз, помолчал.

- Встрял ты, как говорит нынешняя молодежь.
- Это я и сам понимаю. Мне бы еще понять – кто?
- Хороший вопрос...

– Слушай, Мага... Только ты не обижайся... Ты сказал – ваши связаны с разными там людьми в верхах. Силовики, чиновники... Понимаешь, я же сказал тебе, я по газетам ситуацию мало-мало знаю. Передел идет, и борются за разные заводы несколько группировок. Может, кто из них заказал меня? Допустим, тот майор, что видел меня на посту, – чья-то пешка. Он доложил хозяину, тот отдал команду, меня вычислили – ну, как меня могли вычислить здесь, где я только-только появился? Ясно, как: через ваших.

Магомед не обиделся. Он пару минут молчал, потом отрицательно качнул головой.

– Не похоже. У нас, конечно, мокрушники есть, но дела их – не дальше рынка. Конкурентов попугать, с азерами подражаться до смерти – это запросто. Киллерские штучки – другое. Это посерьезнее, и много чего за собой тянет. Нет, наши вряд ли. Тем более – у себя же в общаге. Ну, в крайнем случае подловили бы тебя где-нибудь в другом месте. Ты на машине, организовать ДТП – раз плюнуть. Нет, не наши. Но логика твоя, похоже, верна. То, что заказали из Серого дома, и то, что связано это с убийством Королева, – точно. Остается только вычислить, кому это убийство было выгодно и кто, значит, хочет тебя убрать.

– Хорошенькая задача, – передразнил Магомед Володя.

– Да я не предлагаю тебе ее решать. Я своих попрошу. А вообще... – Магомед глянул на Володю как-то оценивающе, – я бы посоветовал тебе – брось ты это дело. Свали на время, пока все утихнет. Искать они тебя долго не будут. Понятно, чего боятся: ты – журналист, и они боятся, что ты что-то такое выкнешь публично. Пройдет некоторое время, они поймут, что ты им не опасен – можно будет вернуться и спокойно работать.

Володя честно подумал минуты две. Вздохнул.

– Не могу я так, Мага. Ну, понимаешь... Мне – двадцать шесть. Я в журналистике – щенок, начинающий. Я так и останусь начинающим, если ничего путного не сделаю. А тут – такой шанс! Это же сенсация, понимаешь?

– Ну а ты-то понимаешь, что тебя, пока ты за своей сенсацией гоняешься, запросто завалять могут? Тогда от тебя не только начинающего – ничего не останется.

– Выразился, тоже мне, препод русского языка, – усмехнулся Володя.

– Да не дразни ты меня! – взвился Магомед. – Знаешь, как мне мою профессию утраченную жалко?!

– Ну, извини. Короче, не могу я все бросить. Кто я тогда буду перед тем же Юрьичем, перед самим собой? Говно.

– Смотри, – сказал Магомед, итожа. – Твое дело. Прав ты, а все равно тебя жаль.

В это время мелодично зазвонил домофон. Магомед нажал кнопку.

– Кто?

Ответили по-чеченски. Володе послышалась его фамилия. Магомед коротко глянул на него, так же по-чеченски спросил что-то. Ему снова ответили. Он отпустил кнопку.

– Тебя из «Вечерки» редактор ищет. По телефону. Я сказал, чтобы сюда перезвонил.

– Так у тебя же нет телефона!

– На сотовый, – Магомед вынул из кармана трубку.

– Вот видишь, – сказал Володя, – шеф интересуется, как идут дела. А ты говоришь – бросить.

– Ладно, – махнул рукой Магомед. – Давай лучше выпьем.

Налили, выпили. Хмеля не было. Было какое-то тягостное возбуждение, от которого поскорее хотелось избавиться. Азарт, родившийся было после убийства в гостинице, уступил место другому чувству. Не то чтобы Володя испугался так, как того заслуживали обстоятельства, но... захотелось быть осторожнее. Жить что-то захотелось.

– Слушай, Мага, а что связывает «Вечерний Краснохолмск» с вашим общежитием?

Тот усмехнулся.

– Я подробностей не знаю. Но если правильно думаю, схема там не очень сложная. Газета живет вась-вась с городской властью. Мэр ей помогает, чем может, а газетчики его хвалят. У мэра есть некоторые рычаги воздействия на нашу диаспору. Рынки под нами, но администрация, чиновники которой крышуют весь малый и средний бизнес, может при случае сильно испортить нам жизнь. У газеты есть бездомные сотрудники – как ты. Мэр поставил нашим условие: селить сколько угодно журналистов из «Вечерки». Там есть какие-то условные расчеты, я в подробностях не знаю. Но, по-моему, схема вот такая, как сказал. Это не единственная

услуга, которую наши оказывают городу, есть и другие какие-то. Я не в курсе. Меня это мало касается.

Мобильный телефон заиграл гимн бывшего Советского Союза, который многие коллеги Свистунова постарше никак не могут признать гимном России. Володю же он не раздражал.

Магомед взял трубу, ответил. Протянул Володе:

– Тебя.

В трубке раздался голос Сергея Юрьевича.

– Надо встретиться. Срочно.

Пообещав Магомеду, что ночевать будет у него (других вариантов все равно не было), Володя спустился вниз. Разогрев свою «короллу», которую оставил на стоянке по соседству с общежитием, уже отъехав от стоянки, он вдруг вспомнил, что только что пил с Магомедом водку... Не хватало еще, чтобы его ГИБДД заграбастала и машину отняла. Чертыхнувшись, вернув машину на стоянку, он отправился в редакцию «ВК» на маршрутке.

Глава 11

Юрьевич поздоровался как-то торопливо очень. Сразу стало ясно, что голова его серьезно занята. Показал рукой – «садись!», – потом попросил секретаршу ни с кем не соединять, никого не впускать и вообще: «Нет меня, умер!» – и закрыл дверь. На замок. Володя молча за всем этим наблюдал.

– Ну, как успехи в расследовании? – спросил редактор и внимательно уставился на Сви-
стунова.

– Давай, Сергей, без понтов, а? Ты же сам все знаешь... И мне чего-то сказать хочешь.

– Да я, в общем, без понтов... Меня кое о чем предупредили. Но скажу тебе чуть позже. Я ничего не знаю о том, что происходило с тобой после нашей встречи.

– Так вчера была встреча-то.

– Вот именно. Целые сутки прошли...

– Ну да, верно. Кое-что, действительно, случилось.

Володя рассказал о том, что встретил армейского друга (не рассказал только – где и как именно встретил и о Свете не сказал), о взрыве в комнате, в результате которого остался без вещей – в чем был. Юрьевич, казалось, готов был услышать именно это: не удивлялся, кивал головой и вообще демонстрировал всяческое удовлетворение. Наконец сказал:

– Ну, все правильно.

– Что правильно? – не понял Володя.

– Да все. Все. – Редактор закурил «мальборо», выдохнул: – Короче, новая установка. В связи с резкой переменой обстоятельств, неблагоприятным климатом и вообще – бросай свое расследование к хренам собачьим. Я даю тебе денег как гонорар за героизм, ты недельку отсиживаешься, где скажу, потом приходишь и работаешь у меня в штате. Устраивает?

– погоди, Сергей Юрьевич, – Володя выглядел растерянно. – погоди... Как это – бросай? Я ж не сделал ничего еще, ничего не нашел, ничего не раскопал.

– И очень хорошо, – усмехнулся Юрьич. – Ты бы раскопал – а тебя закопали. Не допускаешь? Зря, что ли, в гостинице тебя выслеживали, в общежитии нашли? Чудом ведь промакнулись! Просто по всем расчетам выходило, что дома ты должен быть, а тебя не оказалось – случайно, понимаешь? Где ты был, кстати? Ну, не рассказывай, не хочешь... Все – к тому, что убрать тебя хотят любой ценой. Если даже не прикрываются, не маскируют под несчастный случай там, разбойное нападение – значит, серьезные люди тобой интересуются.

– Ты знаешь что-то?

– Да вот именно – «что-то»! – Юрьич ткнул сигарету в пепельницу. – Всего и мне не говорят. В общем, стоят за всем этим – убийством Королева, как ты правильно понимаешь, и всем сопутствующим – серьезные люди. По-настоящему серьезные. Они ошибок собственных никому не прощают. А ты уже заставил их ошибиться по меньшей мере трижды. Мне не то чтобы намекнули – заинтересованные личности прямо сказали: «Убери журналиста от греха!» Если сейчас исчезнешь – возможно, найдется способ убедить тех, кто за тобой охотится, что ты больше не опасен, что понял бессмысленность затеи и готов оставить всякие попытки найти истину, как дурной сон. Если не исчезнешь – будут проблемы.

– У меня или у тебя? – спокойно спросил Володя. Внутри у него было нехорошо, сосало.

– Да ладно ты, – поморщился редактор. – Меня уже всяко пугали – и в прокуратуру вызывали за публикации, и по телефону звонили, угрожали... Ну, правда, никого по ошибке не резали вместо меня. И дверь никому позвоночник не ломали...

– Здорово ты вывернул! – впился Володя глазами в редактора. – Думаешь, я не понимаю, что из-за меня звукорежиссера зарезали? Что взрывом девчонку из-за меня покалечило – не понимаю, думаешь?! Ты меня за кого держишь? Только ты сам-то разве не понимаешь, что

в гостинице я появился, еще ни о каком расследовании и не думая? Меня так и так выслеживали – просто потому, что оказался в ненужное время в ненужном месте. Свидетель я, хоть и случайный. Так какая разница, найду я что-то, за что зацепиться можно, или не найду? Не найду – меня найдут все равно. Где ты меня, интересно, спрячешь, куда пошлешь – на хутор, бабочек ловить? А если я все же найду чего, напишу, что и как на самом деле – глядишь, правоохранительные органы вмешаются...

Редактор заржал.

– Наивный ты человек, Володя Свистунов! Ты правда думаешь, менты, прокуратура такие идиоты, что поверили в случайную смерть директора? Они, конечно, ведут собственное расследование. Знают они уже наверняка, что был ты на месте преступления, видел все. Думаю, и смерть звукача из рок-группы они с тобой связывают, и взрыв в общежитии свяжут. Не такой большой город, чтобы связь не отследить. И вообще знают они обо всем этом столько, что наши с тобой догадки рядом не лежали и цена им – трамваем переехатый грош. Проблема в том, что результатов этого расследования мы хрен когда дождемся! Разве что генерал раньше времени свое кресло освободит – ну, там, президент ему пост предложит или, скажем, в аварию попадет. А до той поры все будет покрыто тайной, уж для нас с тобой и таких, как мы – точно. Тебя не только не защитит никто – тебя и вызывать для дачи показаний не станут. Команды нет. И это – такой же факт, как то, что я, редактор «Вечерки», при своих не последних информаторах в Сером доме, ничего сегодня не могу толком узнать.

Юрьич помолчал минуту, добавил тише:

– А тебя если уроют, никто искать не станет. Повисишь на ментах некоторое время, как «глухарь», попортишь статистику – и переместят твоё дело в разряд уголовно-розыскных.

– Это что означает? – автоматически спросил Володя.

– А то означает, что не станут твоих убийц искать. Безнадега. Ну, может, когда новый губернатор к власти придет, даст команду, достанут из загашников нераскрытые дела, снова затеют розыскные мероприятия... Когда это будет, будет ли вообще, чем кончится, а главное – тебе-то какая польза к тому времени?

Володя как-то слишком живо представил себе: лежит он там... внизу... скелетик обглоданный, никому не нужный и никем не оплаканный... Непроизвольно потянулся к сигарете.

– Так что – убедил? – спросил Юрьевич, и в тоне его содержался положительный ответ. Володя затянулся, отдал Юрьичу сигарету – он редко курил.

– Не убедил. Не брошу.

Юрьич помолчал. Покурил. Поглядел своими сливами мимо Володи. Аккуратно потушил сигарету. Поднялся.

– Что я тебе скажу, Владимир Николаевич... Мудак ты, Владимир Николаевич, вот что я тебе скажу. Редкостный мудак. Я таких, как ты, мудаков давно не встречал... и сильно уважаю.

Володя второй раз за время разговора растерялся. А редактор продолжал:

– А раз ты сегодня не за рулем, тогда давай-ка, братан, крепко выпьем. Заодно наметим план дальнейших действий. Желательно – совместных.

...В общежитие Володя вернулся, как ни уговаривал его Юрьич, как ни пытался силой удержать.

– Мало тебе бомбы в комнате, балда! – говорил Юрьич. – Мало тебе, что остался без шмоток – хорошо хоть, деньги при тебе. Ну, достанут они тебя, Володя! Айда ко мне. Жена с дочкой в отъезде. По пути еще бутылек прихватим, вмажем...

– Бутылек – это хорошо... бутылек... Только мне, Серега, надо завтра башкой соображать. Так что бутылек – отпадает. Пойду в общагу. У Магомеда они меня не достанут. Там знаешь, какая система? У-у-у... Там дверь... и этот... как его... домофон.

Вообще-то будь Володя потрезвее, он, наверное, согласился бы с доводами Юрьича. В самом деле, чего еще ждать от преследователей, неясно. Они, конечно, в курсе, что снова

промахнулись. Беда в том, что уговорили они с редактором почти литр «Гжелки», а в насыщенном спиртовом растворе правильные мысли существовать не могут. Так что уехал Володя в общежитие – Юрьич отвез его на редакционной машине.

Суть намеченных совместных действий заключалась, собственно, главным образом в том, что Юрьич обязался куда-то кому-то позвонить, чтобы этот кто-то не то вывел на кого-то еще, не то сам со Свистуновым встретился и как следует объяснил. Что именно объяснил, из пьяного разговора Володя не запомнил. Тем более что разговор этот то и дело прерывался телефонными звонками. Часто – звонками «вертушки», то есть непосредственно из кабинетов Серого дома, с которыми оппозиционер Юрьич умудрялся сохранять отношения. И «вертушку» ему не отрубили с приходом новой власти, что наводило на зряшные мысли; мысли были и правда – зряшные, ибо ни стукачом, ни двурушником Юрьич не был; просто столоначальники лопухнулись. В общем, больше пили, чем обсуждали, и, как было обещано, выпили крепко.

А на завтра встреча состоялась. И надолго отрезвила.

Глава 12

... Сквозь дремучий сон Володя расслышал-таки терпеливые призывы Магомеда: «Звонят тебе, черт, проснись!» Проснулся. Магомед молча протянул трубку. Володя успел рассмотреть, что показывал настенный циферблат: девять утра. Нынче для него это было ранью немислимой. В трубке раздался голос Юрьича – тоже, надо сказать, не вполне бодрый. Это Володю утешило.

– Через час – в кафе на Стрелке.

– Похмеляться, что ли? – плоско пошутил Володя.

– Сведу. Познакомлю. Поговорим, – трубка разразилась короткими гудками.

Голова болела, но после ледяного душа состояние стало терпимым. Мага смотрел насмешливо-сочувственно.

– Сколько приняли-то?

– А черт его знает! Точно не помню. Но достаточно, особенно учитывая принятое до того.

В общем, лучше б я умер вчера.

– Где встреча?

– В кафе на Стрелке... А зачем тебе? – спохватился Володя. Магомед засмеялся.

– Конспиратор! Сначала сказал, а теперь спрашиваешь – зачем... Да просто помочь тебе хотел. Реанимировать. До Стрелки пешком – минут двадцать. Машину брать не станешь – значит, имеешь право на пятьдесят граммов.

– Заманчиво, – сказал Володя. И отказался. – Редко похмеляюсь, привыкать не хочу. К тому же есть подозрение, что шеф мой новоиспеченный тоже предложит, поскольку и ему, хоть и тренированный, сейчас не очень, должно быть. А мне сегодня еще башкой соображать. Так что – спасибо.

– Была бы честь, – сказал Магомед сочувственно.

В кафе на Стрелке Володя припоздал минут на десять. Вошел стремительно, стал оглядывать зал. Юрьича не обнаружил. Удивился. Зал был пуст, да и понятно: кто в десять утра в кафе ходит? Персонал кафе тоже, видимо, только просыпался. Не было за стойкой даже бармена. За угловым столиком сидел единственный посетитель с длинным узким лицом. Когда Володя вошел, тот не обернулся в его сторону. Был занят кофе и, видимо, самосозерцанием. Володя тоже занял столик, попросил у возникшего тут же официанта («значит, проснулся!») чаю с лимоном и стал ждать. Редактор пришел минут через пятнадцать.

– Привет! – судя по улыбке и жвачке, он уже успел привести себя в рабочее состояние. – Так вы не познакомились?

– То есть? – Володя в недоумении посмотрел на единственного посетителя.

– Пойдем, – Юрьич направился к человеку с длинным лицом. – Леонид Георгиевич, доброе утро! Прошу извинить за опоздание, за то, что заставил ждать...

Человек неторопливо отхлебнул кофе, поднял лицо.

– Я сам виноват. Знаю ведь, что обязательность – не твоя черта, и всякий раз прокалываюсь. Как ты еще умудряешься журналистом служить, редактором, с людьми встречаться, авторитет сохранять – ума не приложу!..

– Сам удивляюсь, Леонид Георгиевич! Видимо, прощается мне моя необязательность за четкость гражданской позиции и последовательность в ее отстаивании!

– Ну-ну. Ладно, проехали. Знакомь.

Юрьич представил Свистунова. Человек с длинным лицом отрекомендовался сам:

– Леонид Георгиевич Васин. Зам губернатора. Это я попросил Сергея, чтобы он организовал нашу встречу. Я знаю, над чем вы работаете. У меня есть, что вам рассказать. Надеюсь, вам это пригодится. Но сначала несколько общих слов.

Суть короткого вступления свелась к одному: самое разумное – бросить всякие попытки что-то расследовать и сделать так, чтобы о Володе забыли. Аргументация прилагалась, и строилась она не на умозрительных рассуждениях, а на самых что ни на есть конкретных фактах. В устранении Королева были заинтересованы нешуточные силы, нити этого интереса не обрываются в Краснохолмске, на уровне одной из группировок администрации, а тянутся наверх – в столицу нашей родины. Или в загранку, что в определенном смысле одно и то же. Важно, что для этих ребят убрать человека – раз плюнуть. Убрали директора, героя труда и вообще фигуру заметную – что им до какого-то начинающего журналиста? Не поморщатся.

Володя помолчал.

– Хорошо. Два вопроса. Во-первых, почему я до сих пор еще жив, сижу вот тут с вами и все это слушаю неотрезанными ушами? Кстати, попутно: почему меня сразу не убрали – ведь останавливали на посту ГАИ, был там майор какой-то подозрительный в «гражданке». Все данные мои у него есть. Второе. Допустим, обо всем сказанном вы действительно знаете не понаслышке – так расскажите подробнее! Или подтвердите документально. Может, и правда испугаюсь.

Очевидное раздражение, прозвучавшее в голосе Володи, не смутило собеседника. Васин едва дрогнул губами.

– Отвечаю по порядку. На вас все же покушались, и спасла вас, насколько знаю, оба раза чистая случайность. Сидите и разговариваете вы с нами невырванным языком не только благодаря случайности, а еще и потому, что ничего пока не сделали и представляете для них лишь потенциальную опасность. Как свидетель. Потому охотятся на вас лениво, и если вся ваша следовательская деятельность на этом прекратится, будете и дальше радоваться жизни. Кстати, майор подозрительный – наш человек.

– Ваш?! Тогда почему же до этого я его...

– Позвольте, я закончу отвечать на заданные вопросы, а уж потом вы зададите новые, – Васин едва заметно улыбнулся. – Ну, а что касается подтверждения... Достаточно ли веским свидетельством будет для вас распечатка телефонного разговора одного из главных заказчиков устранения Королева с исполнителями?

– Не подстава? – совсем уж обнаглел Володя. Юрьич хмыкнул – ну ты, мол, даешь. Васин поморщился: грубо. Сухо ответил:

– Разумеется, у нотариуса я ее не заверял.

Володя почувствовал себя неловко.

– Извините, Леонид Георгиевич. Просто вчера только меня старательно пытался выпихнуть из этого дела Сергей Юрьевич, теперь вот вы...

– Проехали. Вам нужно думать или решите сразу?

– Буду думать... секунд тридцать. В общем, убедили вы меня только в одном: история опасная и потому увлекательная. А если уж совсем откровенно, о таком деле начинающий, как вы выразились, журналист...

– Разве я неточно выразился?

– Уж куда точнее!.. Так вот. Начинающий журналист, если он не идиот, за такое дело должен ухватиться мертвой хваткой. Что я и делаю, ибо идиотом себя не считаю. Можете помочь – буду благодарен. Нет – попробую сам, что, конечно, сильно осложнит работу.

Васин помолчал с минуту, повертел в руках опустевшую чашку из-под кофе. Взглянул на Володю – тому увиделись в этом взгляде оправдавшиеся ожидания.

– Я рад нашему знакомству. Есть необходимость его продолжить. У меня действительно имеются кое-какие документы, которые вам сильно облегчат работу. Не с собой. Я ведь не был уверен, что наш разговор закончится именно так. Да и не самое лучшее – нести их сюда. Сделаем вот как.

План был прост и надежен. Следующим утром замгубернатора должен был лететь в Москву. В аэропорту до регистрации он оставит бумаги в камере хранения, причем в сумке, принадлежащей Володе. Даже если за журналистом установлено наблюдение, вряд ли кому из недругов придет в голову подозревать ни в чем не повинную сумку, с которой Свистунов не расстанется. Ну а для полной надежности можно сделать вид, что журналист кого-то встречает, а тот не прилетел. Так и договорились.

Забрав сумку Володи, Васин вышел из кафе первым. Машину он, в отличие от других, «крутых» губернаторских замов водил сам, хоть и была она служебной. Так и узнавали серебристую «Ауди» Васина – не столько по номерам, сколько по водителю. Опять-таки симпатично отличало ее от других то, что стекла в машине не были тонированными.

Леонид Георгиевич уехал, а Юрьич сделал Володе втык за неприличное поведение за столом.

– Но в общем, ты своего добился, – подытожил редактор. – И, несмотря на хамство, кажется, заслужил расположение.

– Главное – не процесс, а результат, или я не прав, господин редактор?

– Ну, до результата тебе еще далековато, судя по всему.

– Зависит от того, что мне завтра подкинут в сумочке. Может, там сразу отыщутся ответы на все вопросы.

Володя вдруг стукнул себя по лбу.

– Идиот! Забыл-таки!

– О чем забыл? – недоуменно спросил Юрьич.

– Понимаешь, Васин сказал, что майор, которого я видел на посту ГАИ, – его человек. Но еще раньше я этого майора видел с теми, кто столкнул джип Королева. В придорожной забегаловке, я там кофе пил. Там темновато было, но я разглядел. Их было трое, двое сидели, а тот, что оказался после майором, стоял нагнувшись и говорил – мол, пора, лучше пораньше... Двоих я не очень разглядел, но это они, те самые, что потом на КраЗе...

Редактор задумчиво смотрел на Свистунова.

– Слушай, ты точно ничего не перепутал?

– Не перепутал, – твердо ответил Володя.

– Тогда фигня какая-то выходит. То, что Васин не играет с нами – гарантирую... Получается, что майор – крыса? Или просто по какой-то причине они не смогли предотвратить убийство Королева, и этот самый майор был при исполнителях, просто чтобы не потерять контроля над ситуацией? Бред! Цена вопроса – жизнь человека, притом известного. Не могло такого быть.

– Значит, майор – предатель, а Васин не знает?

– Так или иначе, а рассказать ему об этом надо.

Васина, однако, в этот день отыскать больше не удалось. Замгубернатора срочно вызвали куда-то за пределы Краснохолмска, вернуться он должен был поздно ночью, а мобильный телефон был отключен или недоступен: не все районы области были еще охвачены мобильной сетью. Решили так: раз Володя завтра все равно должен быть в порту, стоит рискнуть и подъехать пораньше, чтобы хоть коротко обмолвиться с Васиным. Информация важная, и держать ее долго нельзя. К тому же не исключено, что, если догадки журналистов верны, это поможет скорее найти ответы на многие вопросы.

Вскоре ответы сыскались. Но цена оказалась слишком высока.

...Как только редактор и Володя покинули кафе на Стрелке, тот самый официант, что приносил Володе чай и которого тот не запомнил, набрал чей-то номер на трубке мобильного.

– Все в порядке, – не здороваясь, быстро сказал он в трубку. – Я все записал, – и дал отбой.

Глава 13

Распечатку, а точнее – магнитофонную запись вместе с распечаткой телефонного разговора, обещанную Володе, замгубернатора Васин получил неожиданно. О тотальной прослушке в обл администрации при новом хозяине ходили легенды. Истина приукрашивалась лишь самую малость. Умные люди, не желающие делать чьим-то достоянием интимные беседы, вели их в коридорах, туалетах, на улице, и обязательно – при выключенных мобильниках. Сигнал с мобильного телефона перехватывается на раз. Самое надежное средство – старые дисконные стационарные аппараты. Хотя «жучка» можно воткнуть и в них. Но радиотелефон поддается прослушке вообще без особых усилий.

Васин, хотя имел дело с правоохранительными органами и неплохо знал их арсенал, никогда никаких специальных «шпионских» заданий никому не давал. Ни устно, ни тем более письменно. По разным причинам, главная из которых та, что не стал он еще полным отморозком. Свою игру, безусловно, вел, но – сравнительно честно. На подведомственные ему структуры, в том числе силовые, старался влиять мягко. Мало ли как завтра переменится расклад в администрации. Секретные или, скажем так, деликатные поручения могут стать достоянием гласности. Репутацией своей Васин дорожил, в Краснохолмске пенсию встречать не собирался, так что вел себя осторожно. Ну и в силу характера и природных привычек претили ему шпионские страсти.

Васин поздно заканчивал рабочий день и рано начинал. Больше оттого, что здесь, в Краснохолмске, никого у него не было. Семья осталась в первопрестольной, и перевозить ее сюда замгубернатора не собирался ни при каких условиях. Домой спешить было нечего, а друзей в чужом городе не нашёл. Да и вряд ли наживет: нрав – не самый общительный. Впрочем, он этим не тяготился, и дело себе в рабочем кабинете находил без труда. Поздно уходил – и приходил, когда еще не было секретарши. Открывал дверь своим ключом, включал свет (зимнее утро долгое), садился к столу. Планировал день. Минут через тридцать появлялась секретарша с утренней почтой, газетами. К газетам Васин, в отличие от некоторых других замов и чиновников средней руки, относился серьезно. В том смысле, что читать их или хотя бы просматривать хоть и почитал за труд, но находил необходимым.

Однажды таким же, на другие похожим, зимним утром вошел он в кабинет, зажег свет. Сел на привычное место, привычно потянулся к настольному ежедневнику – и обнаружил рядом с ним пакет из плотной бумаги, в какой обычно приносят заказную корреспонденцию. На конверте печатными буквами шариковой ручкой было написано: «Васину Л. Г.» Больше ничего. Внутри угадывался, кроме бумаги, какой-то еще предмет поменьше. Васин вскрыл, оказалось – аудиокассета без пластикового футляра и какой-то набранный на компьютере и распечатанный текст. Над текстом вместо заголовка – той же ручкой и так же печатно – дата: «11.02.99г.» И рядом: «Базай». Васин ничего не понял, однако, повертев кассету, вставил ее в музыкальный центр. Полоса какого-то шума – много голосов, звон посуды, но приглушенный, будто где-то вдалеке. Потом – резкий звук, как если бы совсем рядом отодвинули стул. Еще один такой же. И, наконец, голоса – близко, но как бы сквозь какую-то пелену или стену. Один из них показался Васину знакомым. Он добавил громкости, прислушался – и вдруг понял, кому принадлежит голос. Остановив кассету, нажал кнопку селектора. Секретарши Валентины Николаевны еще не было. Васин закрыл дверь на ключ – и тогда снова поставил запись. Спыхватился – и стал сравнивать звучащий текст с тем, что было напечатано на бумаге. Все сходилось. На бумаге была полная, до мелочей, расшифровка диалога двух мужчин, одного из которых Васин узнал точно. Второй голос был незнаком. Видимо, неведомый доброжелатель (или провокатор?) и рассчитывал на то, что замгубернатора узнает одного из собеседников. И сде-

лает свои выводы. Васин узнал. Когда до конца прослушал запись, на всякий случай, будто не веря, прочел еще раз расшифровку...

Обычная утренняя сонливость улетучилась. Уже по приобретенной привычке Васин задумчиво вертел в руках золотой глобус Краснохолмской области. «Вот, значит, как...» Для порядка следовало усомниться в подлинности записи, но внутренний голос подсказывал Леониду Георгиевичу: подлинная. Хотя можно, конечно, кое-кого из близких ментовских экспертов, которые будут молчать, попросить проверить. Больше для того, чтобы сомнениям вовсе не оставить места. Еще – чтобы установить возможные обстоятельства беседы – где, когда. Ну конечно, как же он сразу не догадался: дата, указанная на первом листе расшифровки, скорее всего и есть дата разговора, а слово «Базай», как теперь вспомнил Васин, означало название одной базы отдыха. Была она не очень заметной, совсем не престижной – может, именно поэтому чиновники администрации нередко использовали ее для конфиденциальных встреч.

Голос, который Васин узнал на кассете, принадлежал вне всяких сомнений Михаилу Петровичу Лесюку. Лексикон, правда, отличался от привычного и не содержал признаков хорошего воспитания. Второй голос – глухой и какой-то замороженный – Васину не был знаком. Содержание впечатляло. Снова и снова перечитывал Васин расшифровку недлинного диалога, который, сумеет кто-то доказать его подлинность и истинный смысл, непременно привел бы любого из участников в тюрьму, а то и к вышке.

«Голос Лесюка. Привет. Что?»

Неизвестный. Порядок.

Лесюк. Что – «порядок»?! Подробности давай. Я должен знать, за что бабки плачу.

Неизвестный. Не заплатил еще.

Лесюк. Аванс получили? Работайте! Давай, рисуй картину маслом.

Неизвестный. Мы все четко просчитали. 15-го февраля Королев...

Лесюк. Ебнулся, блядь? Зачем фамилии называешь?

Неизвестный (как показалось Васину, с легкой иронией). Виноват. 15-го он летит в столицу для получения очередной награды. Отменить поездку не может: вручать будет сам премьер, церемония в Белом доме, так что полетит точно. Уже и билет есть. По моим данным, поедет один, в джипе – он на «мерсе» ездит – будет, кроме него, только водитель.

Лесюк. А охрана?

Неизвестный. Он не ездит с охраной.

Лесюк. Вообще? Ни хера себе! И жив еще... Ну, дальше.

Неизвестный. Дальше вот что. Нам надо, чтобы он непременно поехал не по новой объездной дороге, где поста нет, а по старой, мимо поста.

Лесюк. Зачем? Ты ж говорил, что вы там такое место нашли, куда все равно любая из двух дорог выведет? Косяк, что ли? Спиздел?

Неизвестный. Не косяк. На посту ГИБДД будет свой человек, он отследит и, как только джип с Кор...

Лесюк. Убью!!!

Неизвестный. ...Как только джип с ним проедет, человек моим людям сообщит по мобильнику. Те будут на стреме. Так надежнее.

Лесюк. Хорошо. Организуем. Дорогу объездную я постараюсь перекрыть. Что еще?

Неизвестный. Да все вроде, Михаил Петрович...

Лесюк. Ну ты достал! Не называй имен, сколько говорить? Тупая вы публика все-таки!

Неизвестный (по-видимому, обозлясь). А вы другую поищите. Я ведь могу авансик-то вернуть! За минусом неустойки...

Лесюк. Ты что, мать... ты с кем так? Ни хрена себе! Я тебе, блядь, ровня, что ли?! Ты...

Неизвестный. Да не орите вы! Это вы у генерала – зам и прочее. А мне вы – никто. Вот отработаем свое, получим причитающееся – и как звать вас, забуду. Да и вам лучше обо мне

забыть. Давайте по-людски. Вам без нас не справиться, к тому же (смешок) я теперь в курсе ваших планов относительно судьбы... ладно, ладно, без имен. Не думаю, чтобы вам был интерес еще кого-то в эти планы посвящать.

Лесюк (видимо, успокоившись). Ну, хорошо, погорячился. Извини. Но ты правда, как-то аккуратнее.

Неизвестный. Лады. Значит, нам ничего больше не надо. Инструмент есть. Как договорились, технику мы после сеанса отгоняем, куда было сказано, и вместе с инструментом сжигаем. Бабки – опять же, как договорились.

Лесюк. Люди должны раствориться немедленно. И ты – тоже. Никаких следов.

Неизвестный. Так и будет. Все. Если вдруг какой срыв – дам знать.

Лесюк (опять взрываясь). Ты охуел, что ли?! Какой срыв, в жопу?! Ты меня до инфаркта доведешь!.. Надо мной знаешь, какие люди? Они меня с дерьмом съедят! Им завод этот во как нужен!

Неизвестный. Не будет срыва, успокойтесь. Мои работать умеют.

Лесюк. Надеюсь. Все, отчаливай. Компот в другой раз допьешь. Гуд бай, май лав».

Весь разговор происходил на фоне звуков ложек и вилок, скребущих по тарелкам. В общем, не надо быть специалистом, чтобы понять: «жучок» был прикреплен под столом, за которым обедали Лесюк и его неизвестный собеседник – очевидно, связник между заказчиком и исполнителями убийства директора Королева. Потому и голоса записались хоть и различимо, но все равно будто сквозь стену. Оба собеседника, несмотря на старание Лесюка, все же проговорились: один назвал дату (15-е февраля – день, когда убили Королева), имена, второй указал на неких таинственных «людей», чью волю исполнял. Для любого суда такая кассета – улика никакая: грамотный адвокат ее разнесет в пол-приема. Значит, передавать ее ментам бессмысленно. Но что-то делать надо. В подлинности записи Васин не сомневался.

Дверь кабинета вдруг открылась. На пороге стояла растерянная секретарша.

– Леонид Георгиевич, извините... я думала, вас нет еще... было закрыто...

– Ничего, Валентина Николаевна, – Васин махнул неопределенно рукой. – Я тут... музыку слушал.

Секретарша удивилась так, что не стала переспрашивать. Молча подошла к столу, положила свежую почту и вышла. Васина вдруг обожгло: а как пакет-то попал в кабинет?! Секретарша пришла только что, растерянность на ее лице, когда она увидела хозяина, выглядела подлинно. Еще есть ключ у уборщицы, но та сегодня не приходила: на больничном. Есть еще, конечно, комендант, но как-то маловероятно, что у Юрия Сергеевича Зябина, служившего комендантом Серого дома еще при советской власти и никогда не обнаруживавшего интереса к политике и интригам (потому и служил так долго), – что у него вдруг откуда-то возьмется убойная шпионская запись, а если и возьмется – что он по каким-то причинам принесет ее в кабинет Васина. Комендант Васина недолюбливал, как, впрочем, всех пришлых. Хотя вида, конечно, не подавал.

Не они, значит. Кто тогда? Загадка. Вдруг провокация? Хотя в чем, собственно, может состоять провокация, если запись – подлинная? Разве тест: как поведет себя Васин, что сделает с материалами, оказавшимися в руках? Понесет генералу или... А что – или? Почему именно Васину подбросили кассету и расшифровку? Не потому ли, что знают о тайной вражде между ним и Лесюком?

Губернатору нести бессмысленно. Лесюк в два счета убедит его, что запись – фальшивка, а любое разглашение ударит по и без того шатающемуся рейтингу самого губернатора. Зато Васину тогда в Сером доме точно не оставаться. Места не жалко, но как-то обидно – ничего совсем не сделав, убираться восвояси. Да и не в том дело. Очень не хочется, чтобы Лесюк одержал даже маленькую победу, а здесь – победа не маленькая. К тому же, если за убийством

директора Королева действительно стоит Лесюк, жаль, если об этом не узнает никто, кроме Васина. Пусть любым способом, но информацию надо сделать доступной.

Васин машинально взял наугад газету – и вспомнил про журналиста, о котором рассказывал ему майор Мичурин. «Вот выход!» Надо обдумать. Может, он и думал бы долго, да и вовсе отодвинул бы решение на второй план, если бы вечером того дня не зашел к нему в кабинет Лесюк, не стал задавать странные вопросы. Замгубернатора понял: действовать надо срочно. И набрал прямой номер редактора «Вечернего Краснохолмска».

– Привет, оппозиция. Васин это. Поговорить надо. Срочно. Твой интерес...

Глава 14

От Краснохолмска до аэропорта езды – минут тридцать, если на машине. По гололеду, может, немного больше. Дорога асфальтовая, хорошая – и старая, через пост ГИБДД, и особенно новая, где пост установить не успели. Володя гадал – какой дорогой отправится замгубернатора? Так и не решив, поехал по новой, где поста нет.

Только-только рассветало. Морозное небо наливалось, готовилось выпустить солнце. Володя выехал с небольшим запасом времени, не торопился. Нехорошо, конечно, что придется нарушить договоренность о конспирации и подойти к Васину, но другого выхода не было. Не на мобильник же звонить о том, что в окружении зама губернатора есть предатель! Уж Васина-то наверняка слушают.

Гололеда не было, машина шла ровно, в порт он должен был подъехать как раз перед началом регистрации. Там как-то надо перехватить Васина, когда он пойдет к камере хранения, иначе встретиться не удастся. Чиновники администрации выходили на посадку в самолет через VIP-зал, журналистов туда пускали, только если какая-то протокольная встреча высокого гостя с сопровождающей пресс-конференцией, и то требовалась специальная аккредитация.

Новой дорогой пользовались пока немногие, большинство по привычке ездило в порт по старой. Когда до кольцевой развязки, где сходились обе дороги, оставалось несколько сот метров, Володя увидел в зеркало приближающиеся фары другой машины. Судя по всему, водитель был из тех хрестоматийных русских, что любят быструю езду. Фары приближались стремительно. Уже перед самым кольцом сверкающая иномарка – Володя успел разглядеть, что это была «хонда» – обогнала «короллу» журналиста и, чуть сбросив и развернувшись на кольце, вдруг с прежней скоростью ринулась в сторону города. То есть – в обратную сторону. Но по другой – старой – дороге. «Утреннюю пробежку на колесах совершает, что ли?» – подивился Володя. Ну, мало ли, какие причуды у людей.

Аэропорт был, по обыкновению, пуст. Число рейсов в последние годы резко сократилось, в области летала единственная местная авиакомпания. Она владела не только самолетами, но и аэропортом, который ей по доброте душевной или из соображений патриотизма позволил приватизировать вместе со всем остальным прежний губернатор. Компания немилосердно драла цены, а главное – как монополист, не пускала на местный рынок авиаперевозок никого со стороны. Конкуренции не было, и политика «не нравится – не летай!» служила истинным кредо краснохолмских авиаторов. Летали те, кому не терпелось или кто спешил в командировку. Остальные предпочитали поезд. Впрочем, единственный утренний самолет все равно уходил в столицу полным: лайнер ИЛ-86, выполнявший этот рейс прежде, компания заменила на затрапезный ТУ-154. Из экономии, наверное.

Припарковавшись, Володя устроился в кассовом зале так, чтобы видно было и входящих, и тех проходящих, которые могли выйти из-за двери с табличкой «Посторонним вход запрещен», ведущей в VIP-зал. Пройти в камеру хранения так, чтобы он не заметил, было невозможно. От нечего делать Володя разглядывал прибывавших к рейсу пассажиров. По виду это были большей частью дельцы, чиновники, меньше встречалось среди них тех, кого в столицу гнали не служба, не дела бизнеса, а житейская необходимость. Такие ездили больше по «железке».

Время шло. Началась регистрация. То, что Васина не было в очереди у стойки, ничего не означало: для «особо важных» персон и регистрация проводилась там же, в VIP-зале. Однако вот уже последний пассажир отошел от стойки, активно шла посадка, а Васина все не было. Володя исшоркал взглядом служебную дверь, ведущую в закрытый зал. Наконец, ленивый голос диктора объявил: «Закончилась посадка на рейс такой-то, вылетающий в Москву...» Володя кинулся к двери с табличкой, нажал кнопку звонка. Ему открыла непри-

ветливая дежурная: «Что вы хотели?» Володя счел за благо махнуть перед носом дежурной журналистским удостоверением, но подействовало слабо: «Хорошо. Так что же вы хотели?»

– Скажите, пожалуйста, из VIP-зала все пассажиры ушли на посадку?

– Да. А кто вас конкретно интересуется?

– Васин Леонид Георгиевич, заместитель губернатора. Мне его крайне нужно было увидеть до отлета, но вот – не успел, – соврал Володя.

– Даже если бы успели – не увидели бы, – девушка смотрела на него с малой искрой сочувствия.

– То есть?

– Не было Васина. Не регистрировался он. Не полетел, хотя должен был. Билет его, во всяком случае, никто не сдавал.

– Это точно? – переспросил ошарашенный Володя. Дежурная только молча пожала плечами – мол, на такие дурацкие вопросы и отвечать скучно. – Спасибо. Извините...

Так, значит. Интересно. Что могло помешать заместителю губернатора, с которым вчера обо всем договорились, полететь в столицу? Даже билет не сдал. Хотя черт его знает, вызывали же его вчера куда-то срочно – может, не вернулся. Чиновничья служба – как стихия, непредсказуема.

Володя на всякий случай решил заглянуть в ячейку автоматической камеры хранения – ту, где должна была обнаружиться его сумка. Камера, однако, оказалась открыта. Никто ничего в нее не клал. Раздосадованный окончательно, Володя забрал машину, заплатил за парковку, спеша поехал в город. Теперь когда еще выйдет Васин на связь, когда сможет передать ценные бумаги. Как всякого журналиста, а в особенности начинающего, да к тому же пробующего себя в жанре расследования, Володю съедало нетерпение. Он намеревался сразу поехать в редакцию «Вечерки» и попросить Юрьича связаться с Васиным по своим каналам. Потому и торопился, хотя зря: в восемь или даже девять утра пытаться обнаружить в редакции редактора – затея бессмысленная. Раньше десяти-одиннадцати Сергей Юрьевич на месте не появлялся. И все же Володя, зная это, все равно торопился. А торопясь, поехал по новой дороге, чтобы на всякий случай избежать ГИБДД. «Привяжутся, заставят документы показывать, только время потеряю. А на новой дороге можно особенно не тормозить, гаишников нет».

Небо почти совсем посветлело, хотя фары еще приходилось жечь. Проехав чуть меньше половины пути до города, Володя увидел впереди, на встречной полосе прижавшуюся к обочине машину с включенным ближним светом. Не обратил бы внимания, да и не обратил, уже почти проехал, как вдруг осознал: машина – серебристая «Ауди», и номер – Васина. За рулем – силуэт человека. Случилось что? Резко затормозил, сдал назад, остановился. Уже подходя к «Ауди», почувствовал неприятную пустоту в животе.

Стекло со стороны водителя было опущено полностью. За рулем, сильно откинувшись назад, сидел худой человек с длинным узким лицом, Леонид Георгиевич Васин. Глаза были открыты. Из левого уха аккуратно стекала красная струйка. Подголовник и вся спинка водительского кресла были мокры, в каких-то буровато-белых пятнах (после Володя догадался: мозг), а на противоположном стекле, как в боевике, застыло кровавое пятно.

Володя почувствовал тошноту, а вместе с ней – ужас и непреодолимое желание бежать. Он и побежал – назад, к своей «короле», чтобы рвануть с места и умчаться как можно дальше от жуткой картины. Уже раскрыв дверку, остановился. Где-то далеко, глубоко, на доньшке существа, вытесняя животную неконтролируемую реакцию, шевелился остаток здравого смысла. «Уеду, не попытавшись понять – кто и как?.. И сумка – где сумка с документами, которые Васин обещал?» Володя вернулся к «Ауди». Стараясь не смотреть на мертвеца, обошел и почти уже взялся за ручку двери, но вовремя спохватился. Вынул из кармана кожаные перчатки, надел – и тогда открыл дверь. И снова отшатнулся: на сиденье рядом с мертвым Васиным лежал пистолет с навинченным на него глушителем. Сумку Володя обнаружил на заднем сиде-

нье – она была пуста. Это придавало происшедшему вполне определенный смысл – если Васин действительно вез обещанные документы в порт, не исключено, что из-за них его и убили.

Сумку свою Володя забирать не стал. Он не знает убийцу, а вот убийца, если достаточно внимателен, может узнать его по сумке. Она, в общем, ничем особым не примечательна, таких полно, но отменно потрепана и с треснувшей пластмассовой ручкой. А главное – на наружном кармане прикреплены две металлические буквы: «В» и «С» – инициалы Свистунова. Забавы бывшей жены. В общем, сумку он оставил в машине убитого. Нельзя, чтобы кто-то узнал, что он был на месте преступления. В третий раз его ни с кем не перепутают. И не промахнутся.

Надо было торопиться – по дороге хоть мало, но ездят. Володя завел свою «короллу», простился с мертвым Васиным, поехал в город. Из первого попавшегося на пути автомата набрал домашний телефон Юрьича. Тот долго не брал трубку, наконец, Володя услышал заспанный голос.

– Сергей Юрьич, дело срочное. Через сколько ты сможешь оказаться в конторе?

– Ты с ума сошел! Я вчера лег в три ночи, а ты будишь...

– Я тебе сейчас такое расскажу, что ты еще ночь не уснешь.

– Подождать не можешь?

– Говори, куда заехать. Расскажу – оценишь. Надо срочно думать, что делать.

– Ничего не понял... Ладно. Раз говоришь – значит, наверное, правда важно... Стой, а ты в порту-то был? – проснулся окончательно Юрьич.

– Да я-то был... А вот он не доехал.

– Что значит – не доехал?

– Я же сказал – расскажу! – стал терять терпение Володя. – Куда заезжать за тобой?

После этого Володя сразу набрал 02 и, не называя себя, сообщил дежурному о том, что видел на дороге.

...Редактор вышел через полчаса. Володя, кляня его от нетерпения, ждал в машине у подъезда. Закуривая, Юрьич стал по обыкновению усаживаться на заднее сиденье.

– Оставь в порядке исключения привычку. Сядь рядом. Я тебе, пока едем, все расскажу.

Шеф чертыхнулся, но подчинился.

– Ну, рассказывай, что там у тебя приключилось.

– Я тебе первополосный материал на завтрашний номер привез.

– Ну-ка, ну-ка?

– «Вчера в восемь часов тринадцать минут утра на двенадцатом километре дороги Краснохолмск-аэропорт обнаружен автомобиль „Ауди“, принадлежащий заместителю губернатора области Леониду Васину, с мертвым владельцем за рулем. Замгубернатора Васин был расстрелян в упор из пистолета с глушителем, найденного там же, в салоне автомобиля. Участники преступления и мотивы неизвестны. По нашим данным, из салона похищены документы, компрометирующие некоторых представителей нынешней областной власти». Как тебе? – повернулся Володя к Юрьичу. Тот смотрел на него дикими глазами, забыв о прикуренной сигарете.

– Ты... это... серьезно?

– Серьезнее не бывает, – сказал Володя, запуская двигатель. – Судьба такая – свидетелем быть.

Глава 15

Леонид Георгиевич не только собирался передать Володе кассету и расшифровку разговора Лесюка со связником киллеров. Он намеревался рассказать журналисту самые свежие новости, еще не ставшие достоянием гласности.

Накануне Васина, действительно, срочно вызвали по весьма важному делу. Следственная группа, которая расследовала убийство Королева, обнаружила километрах в сорока от Краснохолмска, на заброшенной лесной дороге сгоревший остов грузового автомобиля КраЗ без номеров. Возможно, номер был на двигателе, но не сохранился: металл сильно поплавился.

Там же нашлись два покоренных «макарова» с вынутыми обоймами, а еще чуть позже неподалеку от сгоревшего КраЗа – два изуродованных трупа мужчин. Их, по всей вероятности, старательно облили чем-то вроде кислоты, предварительно застрелив. Никаких остатков документов при них не оказалось. Скорее всего, их и не было. Убийцы, не желая, чтобы мужчин опознали, тяжелым предметом методично покрошили убитым все зубы, а потом и в ротовые отверстия налили кислоты. Опознать их и правда вряд ли удастся.

(Следствию, действительно, так и не удалось установить личности убитых. На самом же деле они были теми двумя киллерами, которых видел Володя в придорожном кафе и которые потом напугали его самого. А другим следователям, в далеком от Краснохолмска городе Самаре, никогда не удастся связать неустановленную личность сброшенного с проходящего железнодорожного экспресса мужчины средних лет, невысокого, сутулого, не значащегося ни в каких досье и тоже лишенного документов, с обезображенными трупами в Краснохолмске. Он и был тем связником, с которым в столовой базы отдыха «Базай» беседовал Михаил Петрович Лесюк. Ему сначала проломили череп, а уж потом скинули с поезда. Михаил Петрович не любил оставлять за собой следы.)

Васин, в отличие от следствия, знал точно: два трупа – киллеры, убрали их, чтобы никогда ни под каким предлогом не заговорили, а КраЗ сожгли, чтобы нельзя было определить его происхождение. Обо всем этом и собирался рассказать Володе замгубернатора. А в сумке на заднем сиденье лежали кассета и распечатка. На всякий случай замгубернатора показал запись верному эксперту – тот подтвердил ее подлинность, подтвердил и то, что один из голосов принадлежит Лесюку.

Перед развилкой, где дороги в аэропорт делились на старую и новую, Васин мгновение помешкал. И свернул на новую. Не то чтобы его могли остановить на посту ГИБДД – нет, конечно. Но хотелось, чтобы поменьше видели.

Васин не заметил, как следом за ним через некоторое время двинулась стоявшая у обочины «хонда». Спустя несколько минут «хонда» догнала серебристую «Ауди», помигала фарами, прося остановиться. Васин удивленно посмотрел в зеркало заднего вида – и узнал сидевшего за рулем «хонды» майора Мичурина, одетого, по обыкновению, в штатское. Сбросил скорость, прижался к обочине. Мичурин поравнялся, подъехал близко – так, что разговаривать можно было, не выходя из машины, тем более что руль у машины Мичурина был расположен справа. Васин опустил стекло:

– Что? – спросил с нетерпением. Он, признаться, не очень любил майора, даже непонятно, за что. Никаких видимых отрицательных черт тот не выказывал.

– Доброе утро, Леонид Георгиевич! – сказал майор, тоже до конца опуская стекло. Потом аккуратно поднял пистолет с глушителем. Васин сделал инстинктивное движение, будто желая отвернуться от странного видения. Поэтому пуля угодила не в лоб, как хотел Мичурин («чтоб как в кино»: он считал себя крутым профессионалом), а в ухо. Результат, впрочем, был тот же. Васин не успел не только ничего сказать, но даже подумать.

Майор поставил свою машину к обочине, заглушил мотор, потушил фары. На всякий случай еще раз убедился, что замгубернатора мертв. Обошел «Ауди»; не снимая перчаток, открыл дверку, бросил на сиденье рядом с водителем пистолет. Найти сумку с документами было делом считанных секунд. Вынув кассету и бумаги, майор бросил сумку на сиденье, захлопнул дверку, сел в «хонду» и сразу дал полный газ. Все заняло не больше трех минут.

Километров через пять, не доезжая кольцевой развязки, Мичурин нагнал белую «короолу». Обладая прекрасной памятью, он узнал номер, выхваченный фарами. Усмехнулся: «Спешишь на свидание? Можешь не торопиться! Барышня не придет...» Обогнав Свистунова и развернувшись на кольце, Мичурин погнался за машиной в город.

...Майор Борис Мичурин начал служить в органах еще в советские времена. Происходил он из комсомольских активистов. В средней школе его выбирали секретарем комсомольской организации как отличного ученика, чей портрет не покидал доски почета. Зубрилой, в общем, не был, но учился хорошо и легко. Пользовался авторитетом и у сверстников, и среди учителей. Заметило его и комсомольское начальство – городское и областное. И еще кое-какое начальство – тоже заметило и взяло на карандаш.

Мичурин школу заканчивал не в областном центре – в районном, и легкость, с которой он поступил после школы на исторический, была для него удивительной, но, как выяснилось много позже, не случайной. Впрочем, знал он действительно, и учиться намеревался честно. Снова работал в институтском комсомоле, снова был на хорошем счету. И снова был замечен. Тогда, в студенческие годы и состоялось первое знакомство с КГБ – как тогда его называли, «конторой глубинного бурения». На первую попытку завербовать его, чтобы он стукал на сокурсников, Мичурин отреагировал бурно: набил морду хлипкому вояжеру. Это только в кино все КГБшники владеют какими только можно придумать приемами рукопашного боя. На деле не так. Мичурин как раз некоторыми владел: еще в школе ходил в секцию, занимался боксом, а позже, когда стало можно – карате. Полпред КГБ явился в общагу, а не в деканат, как обычно бывало. Пришел без предупреждения, застал Мичурину одного (комнату они занимали вдвоем с товарищем), показал корочки. Мичурин отнесся с уважением. Пригласил сесть, заварил чаю. Сотрудник, видимо, был новенький, потому сразу выбрал неверную тактику: не стал искать подходов, а предложил: «Давай ты будешь нашим штатным сотрудником?» Когда Мичурин спросил – что, собственно, нужно делать, – тот и выложил: «Слушать внимательно и сообщать сразу, кто о чем таком говорит»... Мичурин встал, взял полпреда за шкуру, пару раз потрянул, еще пару раз съездил по физиономии – и напоследок дал пинка для скорости.

А через пару дней на улице в центре города к нему подошел приятный мужчина средних лет и, профессионально улыбаясь, попросил уделить ему десять минут. Мичурин пожал плечами: что ж... Нашли свободную скамейку у фонтана, сели. Мужчина удостоверением размахивать не стал – так все ясно было. Он говорил, Мичурин слушал.

– Вы молодец, правильно отделали нашего неопытного сотрудника. Заслужил, как я понимаю, – все так же улыбаясь, говорил мужчина. – Не хотите с нами работать – ради Бога! Никто заставить не может. Другое дело – если вас заинтересует предложение, которое я уполномочен вам сделать.

– Послушайте, я ведь все вроде объяснил вашему коллеге, что вы еще хотите от меня? – не отвечая любезностью на любезность, раздраженно сказал Мичурин.

– Да, собственно, ничего особенного... Не желаете взглянуть на это вот фото? – гэбэшник протянул Мичурину какую-то фотографию. Тот глянул – и в недоумении уставился на себя-седника.

– И что?

На фотографии Мичурин обнимался с американцем. Было это с полгода назад, когда однокурсник познакомил его со своей сестрой, вышедшей замуж за американца и уехавшей в США. Сестра приехала с мужем в Краснохолмск, однокурсник привел их в общагу, показал

быт, Александр (так звали американца – совсем не на американский манер) восторгался убогому уюту, специально ходил в вонючий общаговский туалет – экзотика! Потом они вместе ездили в деревню к родителям однокурсника и его сестры, пили там медовуху. Фотографировались. Александр неплохо говорил по-русски, знал «Степь да степь кругом», играл на гитаре из «Битлз». Прощались друзьями. На перроне обнимались – видимо, оттуда и фотография. Кто и зачем ее сделал, Мичурину было неясно.

– И что? – спросил он у сотрудника органов.

Тот, все так же улыбаясь («Прямо как Александр на снимке, по-голливудски», – подумал Мичурин), вынул из кармана еще один снимок:

– А теперь на этот взгляните. Это из нашего досье...

Мичурин глянул – и побледнел. На него смотрел тот же Александр, только уже серьезно. Был он в цивильном костюме, при галстуке, а под снимком была выписка из досье: «Александр Райт, специальный агент ЦРУ, сфера деятельности – объекты атомпрома в СССР. В СССР бывал трижды, проявляет особый интерес к Краснохолмску как городу, рядом с которым расположен так называемый „Девятый район“ – закрытый город-предприятие, производящий ружейный плутоний. Находится под особым контролем КГБ...» Чтобы понять, куда такое знакомство могло привести, надо вернуться в восьмидесятые годы. Далеко могло оно привести.

Мичурин сглотнул.

– Я ведь едва знаком с ним... Мы только...

– Мы все про вас знаем, Борис, не волнуйтесь, – сказал все с той же улыбкой собеседник. – Мы не собираемся кому-то рассказывать о сомнительном знакомстве, цена которого – учеба. – Мичурин и сам понимал, что, как только об этом станет известно в деканате, он в ту же секунду вылетит из института, несмотря на многочисленные заслуги и сугубо положительные характеристики. – Мы не хотим, чтобы у вас были неприятности. Но и вы должны пойти нам навстречу...

Через пять минут разговор был окончен. Мичурин стал агентом КГБ. Не то чтобы он активно стукал на однокурсников – поводов особых не было, – но кое-что по мелочи сообщал. А после того как получил диплом, уже по собственной воле пошел работать в штат организации. Спустя годы, когда советская власть кончилась, уже будучи в звании капитана, а после майора, стал, как и прочие, понемногу крышевать разного рода бизнес. Поскольку в его компетенцию входили оборонные предприятия и предприятия, имеющие особое значение – такие как золотой завод, – то крышу он обеспечивал в первую очередь тем, кто пытался прибрать к рукам эти отрасли. Так и с Лесюком познакомился, и ходил у него в тайных подручных с первого дня появления того в Краснохолмске. Убийство Королева они организовали вместе, и Васина Мичурин застрелил по прямому указанию Михаила Петровича. Он же лично, своими руками убрал киллеров, сжег грузовик. Связника, сброшенного в Самаре с поезда, убрали тоже по его команде. Работа щедро оплачивалась. Майорская звезда вот-вот должна была раздвоиться, до пенсии оставалось не так долго, старость можно было считать обеспеченной. Единственный промах случился с журналистом Свистуновым, убрать его дважды помешала досадная случайность. Следствие, впрочем, в обоих случаях ничего не найдет, а назойливый журналист теперь, после смерти Васина, не страшен.

...Вернувшись в Краснохолмск, Мичурин первым делом набрал на мобильном телефон Лесюка:

– Порядок.

– Бумажки у тебя? – спросили в трубке. Мичурин чуть помедлил.

– Ни бумажек, ни кассеты.

– Что?! Как?! Где они? Какой же порядок, твою мать?!

– Видимо, успел передать.

– Вот сука! – задохнулся Лесюк. – Ладно. Через час у меня. Обсудим, – и отключился.

Глава 16

– Ну и дурак же ты! – качал головой Юрьич. – Какой дурак, я даже не думал, что такие бывают!

– А ты перестраховщик, понял? – орал Володя, бегая по кабинету и отшвыривая стулья. – Не понимаешь, это же сенсация: убили замгубернатора – и мы первые о том сообщили! Думаешь, я пошутил, когда о первополосном материале говорил?

– Да после такой публикации ты домой не успеешь дойти! – стал заводиться и редактор. – Ты как понять не можешь, что жить тебе останутся минуты после этого! В аварию попадешь или просто застрелят – выбирай, что больше нравится.

– Я и говорю – перестраховщик, – убежденно сказал Володя, садясь верхом на стул. – О рейтинге газеты не беспокоись.

Редактор только усмехнулся в ответ, ничего не сказал.

– Я ведь ментам сообщил? Сообщил. Значит, мы можем рассчитывать на их поддержку и прикрытие, – не мог успокоиться Володя.

Редактор снова усмехнулся.

– Откуда ты знаешь, что это не они тебя пасут? Майор тот самый – откуда он? Тот-то и оно. Наше дело, думаю, сейчас – ждать развития. А вот когда появится официальная информация об убийстве замгубернатора, мы действительно можем осторожно изложить собственную версию. И посмотреть на реакцию.

– Сейчас-то что делать? – отчаянно ударил кулаком по коленке Володя.

– Я же сказал – ждать.

– Слушай, первый раз вижу такого редактора, который предлагает отдать другим «право первой ночи»! – снова разозлился Володя. – Ну давай просто информацию дадим, без подробностей и версий. В конце концов, могут у нас в правоохранительных органах быть свои источники – давай сошлемся на анонимный источник. Сам ведь понимаешь – ложка к обеду дорога. Все равно телевизионщики сегодня разнохают, у них-то уж точно свои люди в милиции есть. А газета завтра выходит.

– Телевизионщиков не пасут, а тебя пасут. Те, кому надо, прекрасно знают, что ты работаешь на меня. Никаких источников они искать не станут, а просто стукнут тебя по дурной башке, да и все, – однако все это Юрьич говорил эдаким рассеянным тоном, из чего становилось ясно: сдается. Быть первым для журналиста – что еще может быть важнее? Дальше успех измеряется степенью глубины анализа, точностью результатов расследования, безошибочностью выводов. Но сначала главное – сообщить, опередив коллег-конкурентов.

Юрьич замолчал, потом как-то особенно взглянул на Володю – и вдруг оживился:

– У меня идея. И рыбку съесть можем, и на коня сесть. Черт, зря ты ментам позвонил! Надо было сразу – телевизионщикам. Ну уж теперь – как есть, – редактор взялся за телефон...

Минут через пятнадцать у здания издательского комплекса затормозила машина с журналистом и оператором одной из частных телекомпаний, находящихся в жесткой оппозиции к администрации и губернатору. Володя и редактор сели к ним. Машина отправилась на место, где Володя обнаружил серебристую «Ауди» Васина.

Подъехать к месту им не дали. Издали стало видно милицейские автомобили с мигалками, причем, судя по маркам – номеров издалека не разглядеть, – на месте убийства находились не только оперативники, но и милицейские генералы. Кажется, был и кто-то из администрации. Ничего более газетчики и телевизионщики разглядеть не смогли. Метров за пятьдесят до места их остановил сотрудник ГИБДД с полосатым жезлом и лейтенантскими погонами. Потребовал документы.

– Мы журналисты, – стал объяснять телерепортер, – нам сообщили, что здесь произошло убийство чиновника администрации.

Оператор в это время снимал картинку издалека. К нему тут же направился еще один гаишник. Первый, никак не реагируя на сказанное, внимательно рассматривал сначала водительские, потом служебные удостоверения. Его коллега в это время боролся с оператором, пытаясь загородить от камеры место убийства.

– А почему вы нам снимать не даете? – спросил журналист.

– Не положено. Приказ.

– Чей приказ?

– У вас свое начальство, у нас – свое, – пожал плечами лейтенант. – Дальше проезд запрещен, возвращайтесь.

– Хорошо. Вы можете подтвердить, что на этом месте произошло убийство?

– Ничего я подтвердить не стану. Возвращайтесь.

– Ну а старший здесь кто?

Лейтенант взглянул на него насмешливо, ткнул пальцем перед собой:

– Здесь – я. Устраивает? Ребята, давайте отсюда, не напрашивайтесь на неприятности.

И оператора попросите не снимать. Я к вам хорошо отношусь, – кивнул он на логотип телекомпании, нанесенный на служебную машину. – Другие бы давно камеру разбили, а мы вот еще уговариваем вас.

– Можете хотя бы сказать – из хорошего отношения, – кто из начальства прибыл на место?

Лейтенант секунду помедлил. Махнул рукой:

– Не думаю, что это такой уж секрет. Только не пишите на камеру, – оператору дали знак не снимать. – Начальник ГУВД здесь, облпрокурор, замгубернатора Лесюк, вот-вот должен сам губернатор подъехать.

– Васина увезли уже? – вмешался в диалог Володя.

– Увезли, – машинально ответил милиционер – и спохватился. – Вы зачем такие вопросы задаете? Я же сказал: ничего я не подтверждаю, нет у меня таких полномочий! Все, мужики, валите, а то разозлюсь. Мне пока еще погоны носить не надоело.

Ничего другого, собственно, журналисты встретить на месте и не ожидали. Поблагодарив лейтенанта – все-таки что-то он им сказал, – еще раз посетовали, что сначала Володя позвонил в милицию, а уж потом Юрьич догадался сообщить коллегам с телевидения. Дальше поступили так. Отъехав на безопасное расстояние от поста, вышли из машины и записали на камеру подробный рассказ Володи о том, когда и как он обнаружил убитого Васина. Причину своего пребывания в этот час в этом месте Володя придумывать не стал, так и сказал: была назначена встреча в порту для передачи документов, содержащих важную информацию об убийстве директора золотого завода. Еще сказал, что документы с места преступления исчезли, но, несмотря на это, он не исключает попыток «разобраться» и с некоторыми другими фигурантами – с ним, например.

Собственно, в этом и заключалась идея редактора: не врать, а сказать, как есть. Это вызовет, во-первых, бурную реакцию во власти, и тогда, возможно, истинные виновники событий сами раскроются и до них доберутся следственные органы; во-вторых – это обезопасит хотя бы частично Свистунова и Юрьича. Теперь можно будет писать, выдвигать версии, искать связи – словом, вести нормальное расследование параллельно со следствием. К тому же врать было все равно бессмысленно: Володя «засветился» в аэропорту, когда спрашивал о заместителе губернатора, служащая обязательно его вспомнит – губернаторских замов не каждый день убивают; к тому же тот, кто перехватил Васина на полпути в порт и забрал компромат, точно знал о существовании этого компромата. Значит, разговор в кафе был подслушан или записан. Случайность исключена.

Записали то, что телевизионщики называют «стендап», когда журналист как бы резюмирует сюжет в кадре. Договорились: никому больше ни слова. В телекомпании уже смонтированный сюжет на всякий случай скопировали.

Через час примерно во внеочередном выпуске новостей город и область увидели сенсационный материал – и Володя вмиг стал знаменит. Однако, как вскоре выяснилось, спасло это его лишь отчасти.

Глава 17

У областной администрации была собственная котельная. Топили исправно. Даже слишком. В кабинете Лесюка работал кондиционер. Хозяин ходил по кабинету, глуша шаги ковровой дорожкой, курил свои дорогие папиросы, откровенно нервничал. Ждал. Наконец секретарша доложила по селектору: «Михаил Петрович, к вам Мичурин». Лесюк велел пропустить. Майор был, как всегда, в штатском. Сдержанно поздоровался, Лесюк нетерпеливо мотнул головой:

– Рассказывай.

У себя в кабинете он прослушки не боялся. Все «жучки» в здании знал наперечет, устанавливали его ребята. И все-таки свой кабинет специальным прибором проверял по меньшей мере раз в неделю. Вот и сегодня проверил – мало ли.

Мичурин рассказал все в подробностях. Утаил только одно. Он еще раз подтвердил Михаилу Петровичу, что сумка Володи, в которой должен был находиться компромат, оказалась пуста.

– Ну как же он, когда же успел передать бумаги-то с кассетой?! – почти кричал Лесюк.

– Этого я и сам не понимаю. Возможно, они, вопреки договоренности, встретились по дороге.

– Так какого черта этот журналюга тогда в аэропорт перся? Чего он там Васина искал? Следы, что ли, путал? Да ерунда! Откуда он мог знать, что нам все их планы известны? Херня какая-то выходит.

– А может, кто-то третий появился? – осторожно предположил майор. – Ну, скажем, редактор «Вечерки». Решил он свой куш получить с этого дела. Допустим, позвонит он вам и скажет: документы в обмен на деньги.

– Ты что... – даже привстал в кресле Лесюк. – Ты думай, что говоришь... Если третий появился – это же все, это... Мне же башку оторвут сходу. Они там, – он кивнул наверх, – пока вообще ничего не знают, не знают про наши запутки. Узнают – пиздец, – Мичурин поморщился: сам он не любил материться и с трудом переносил это от других. Лесюк об этом знал. – Ладно, что ты нос морщишь, тут дело такое серьезное – поневоле матом станешь крыть... Короче, ничего мы не узнаем, пока не поговорим с самим газетчиком этим сраным, Свистуновым. Надо с ним разобраться. Причем по-любому выходит: раз и навсегда разобраться. Если компра у него, мы ее, конечно, заберем. Но журналюгу придется убрать. Надоел.

– А если он копии успел сделать с записи?

– Вряд ли. Времени прошло – всего ничего. Хреновый ты психолог, Мичурин. Смотри: он забрал пленку, допустим, сегодня утром. Ему ее надо послушать, осмыслить, принять решение... Первое движение – немедленно опубликовать, а уж потом думать о копиях, прочей дребедени. Он – газетчик, я их хорошо знаю.

– Понял.

– Это надо сделать сегодня же, немедленно, понимаешь? Чем скорее мы его возьмем, тем надежнее гарантия, что компромат никуда не вылезет. Как хочешь, но пусть твои мичуринцы сработают на сей раз без ошибок. Сам понимаешь: если с меня снимут башку – и тебе ее не сносить, – Лесюк жестко посмотрел на майора. Тот только усмехнулся без улыбки. Еще раз сказал:

– Понял, – повернулся и вышел из кабинета, не прощаясь.

Не успела за ним закрыться дверь, как у Лесюка на столе запищала «вертушка». Звонил начальник ОБЛУВД.

– Михаил Петрович, несчастье: Васина застрелили.

– Где? – мгновенно перестроившись под новую роль, «обалдело» спросил Лесюк. Уже через пять минут, вызвав служебную «Волгу», он ехал к месту преступления.

Мичурину все было на руку. Журналист и ему надоел, тем более что его киллеры, действительно, дважды прокололись. Убрать его хотелось уже просто как назойливую муху. А потом... потом майор сыграет свою игру. Он ее уже начал. Лысую голову Лесюка он с удовольствием видел снятой с круглых плеч.

Выйдя на проспект, Мичурин набрал на мобильном номер, сказал отрывисто и малопонятно:

– Полчаса. Где всегда. Дело, – отключился, сел в свою «хонду», завел мотор. Через полчаса на загородной даче, стоящей отдельно от остальных и ничем особым не приметной, он дал задание двоим своим подручным не позднее чем сегодня вечером взять надоевшего журналиста и доставить сюда. Когда Володя увидит этих подручных, сильно удивится.

Майор был занят, а потому не мог знать, что через те же полчаса в эфире оппозиционной телекомпании в срочном выпуске новостей показали сюжет с места преступления. Главное – не мог знать, что в сюжете Володя заявил: если что-то с ним случится, искать виновных следует в стенах Серого дома. Не знал этого и Лесюк, потому как во время съемки находился далеко от журналистов, а к тому времени, когда сюжет вышел в эфир, еще не вернулся к себе в кабинет. Когда же потом ему обо всем рассказали, он кинулся разыскивать по телефону Мичурина, чтобы отменить приказ... и тут же положил трубку. Поздно. По телефону лишнего не скажешь. Мичурин – человек исполнительный, и машина уже наверняка запущена. Остановить ее не успеть.

Вечерело, за окном смеркалось. Но света он не зажигал: не любил. Ограничивался настольной лампой. Вдруг зазвонил прямой городской. Лесюк удивился: этот номер мало кому был известен. Снял трубку. Задавленный гнусавый голос произнес:

– То, что вам нужно, у меня. Стоит двести тысяч – разумеется, «зеленых». Думайте. Срок до утра. Утром перезвоню. Номер определить не пытайтесь, бессмысленное занятие, – трубка разразилась гудками.

Все случилось так быстро и неожиданно, что при всем своем хладнокровии и готовности к мгновенной перемене обстоятельств Лесюк все-таки растерялся. «Вот сволочь! И что теперь делать?» Значит, Мичурин оказался прав, в дело вмешалось третье лицо... А почему, собственно, третье? Почему бы, например, тому же журналюге не использовать компромат не для публикации, а для шантажа? Денежки вполне можно поделить с шефом. А можно и не делить. Лесюк хотел было все же дать команду установить, откуда звонили, но вовремя спохватился. Скорее всего, шантажист звонил из автомата, и даже если установить – из какого, это ничего не даст. Его там давно уж нет. И правда, занятие бессмысленное. Что же делать?

Лесюк задумчиво покрутил в пальцах папиросу. Одно определенно: журналиста надо брать. Это может хоть что-то прояснить. И черт с ним, что он там наговорил в камеру. Риск невелик, а результат может оказаться полезным. Он закурил и успокоился.

...Когда наступал особенно ответственный момент, майор Мичурин все старался делать самостоятельно, не полагался на подручных. Во всех смыслах надежнее: и в результате уверен, и не сдадут при случае. Повесив трубку на рычаг телефона-автомата и сунув в карман носовой платок, которым прикрывал мембрану во время разговора, он быстро вышел из кабины и на всякий случай огляделся. Не обнаружив ничего подозрительного, произнес вслух:

– Не дурак, молодец... Давай теперь, думай, лысый. Думай...

Глава 18

Володю взяли, как говорил известный киногерой, без шума и пыли. Вечером он зашел поужинать в «Армению» – и наткнулся на вывеску «Извините, по техническим причинам кафе временно не работает». Хотел было повернуть обратно, но на пороге возник хозяин, приветливый армянин, прекрасно владеющий русским языком. Хозяин лучился радушием – сегодня больше, чем обычно.

– Видели вас по телевизору, Владимир Николаевич. Впечатляет. Оказывается, вы не простой жилец у нас, – улыбался армянин, – вас теперь, оказывается, беречь надо. Вот нет у нас программы защиты свидетелей, а жаль... Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. Присаживайтесь. Что желаете? По случаю события – могу угостить эксклюзивом. Наш повар впервые приготовил, свиные рулетки с зеленью и специями в горшочках. В меню еще нет, только мы с женой пробовали. Божественно! Не возражаете, если вам предложу?

– Так ведь вы не работаете вроде?

– Ну, для вас мы теперь работаем, даже если не работаем. А вообще – так, мелочи, небольшие проблемы с санэпиднадзором. Уладим. Прошу! Так как насчет рулетиков?

После напряжения проходящего дня Володе было решительно все равно, хотя голод он ощущал зверский. Еще больше хотелось водки. Он кивнул и попросил к эксклюзивной закуске принести пол-литра «Гжелки». Потом, пока хозяин был на кухне (кроме него, в кафе больше не оказалось никого; Володя не придавал этому значения – и зря), позвонил с телефона кафе на сотовый Магомеду:

– Я в кафе, приходи...

– Это очень хорошо, что ты позвонил! – почти закричал в трубку Магомед. – Я уж не знал, где и как тебя искать. Сиди там и никуда не уходи. Дело срочное, мне тебе надо рассказать. Буду через пятнадцать минут.

– Я пока поем, не возражаешь?

– Главное – не уходи и дожись меня. Я уже еду!

Хозяин на удивление быстро, будто специально ждал именно этого посетителя, принес обещанные рулетки в горшочке, салат. Блюдо оказалось действительно божественным. Мясо, истекая соком, таяло на языке, зелень внутри была такой, будто ее и не готовили вовсе, а только что сняли с грядки, перца и специй – в меру. Словом, вкус все это рождало такой, что Володя уплеп горшочек в мгновение ока. Ну и выпил, конечно, изрядно – и не опьянел, а только почувствовал приятную расслабленность в организме. Оглянувшись, чтобы позвать хозяйина и поблагодарить за «эксклюзив»... и неожиданно провалился в черноту. Заваливаясь набок и сползая со стула, он не слышал, как сильные руки мягко подхватили его подмышки, как его, недвижимого, вынесли через служебный выход, погрузили в машину, как та отъехала. Это была серая отечественная «девятка». Кто сидел за рулем, рассмотреть снаружи сквозь тонированные стекла было невозможно, да и некому было смотреть: зимой в это время (было около девяти вечера) на улице уже темно, водители включают фары, да и вообще – обладателей автомобилей самых разных марок в общегитии, учитывая контингент, немало. На «девятку» никто просто не обратил внимания.

Впрочем, не совсем так. Магомед подъехал на своем джипе как раз в тот момент, когда Володю выносили из зала. Обнаружив на двери объявление о том, что кафе временно не работает, Магомед удивился: Володя звонил ему оттуда всего пятнадцать минут назад. А удивившись, встревожился. Подойдя к окну, занавешенному изнутри длинными, до пола, шторами, он сумел разглядеть сквозь щель между ними какое-то движение. Приглядевшись, скорее догадался, чем увидел, как один человек тащит другого подмышки. Магомед еще не понял ничего, но уже рванулся к двери, занес кулак, чтобы забарабанить в нее что есть силы... и вовремя

остановился. Дверь ему, ясно, не откроют, а вышибить он ее не сумеет. Вызывать ментов – толку? Пока приедут, никого нет и не было. В конце концов, могло человеку просто стать плохо. Что делать? Информация, которую он должен был сообщить Володе, как нельзя более аккуратно вписывалась в контекст происходящего. Друг в опасности, это ясно. Звать своих – тоже не самое подходящее решение: с армянами у них договоренность, мирное сосуществование, и если Магомед не сумеет доказать, что дело нечисто, подставит своих и самому придется туго.

Магомед вдруг заметил, как в кафе погас свет. Его осенило: дьявол, как раньше не догадался, они же просто хотят увезти друга через черный ход! Он бегом метнулся вокруг общежития – служебный выход находился ровно с другой стороны. И опоздал. Из-за угла ему навстречу не спеша вырулила серая «девятка» с включенными фарами, выбралась на главную дорогу и, набирая скорость, направилась в сторону центра. Магомед успел разглядеть номер: Н451МО. Она – не она? Чертыхнувшись еще раз и помешкав мгновение, Магомед не стал больше думать. Вернулся к своему джипу, рванул с места за «девяткой». Только бы не потерять ее! На его счастье, всего в паре сотен метров от общежития был перекресток со светофором, – там он и нагнал серую «девятку» с Володей... или не с ним? Если выйдет ошибка, Магомед готов был застрелиться.

Тут же пришла в голову еще одна мысль – более дельная, чем стреляться. Не теряя из вида «девятку», он нашел на мобильнике нужный номер. Молил: только бы абонент не оказался недоступным. Через несколько гудков трубка на том конце отозвалась.

– Сергей Юрьевич?

– Да, это я.

– Нет времени объяснять, кто я и почему звоню. Два слова. Володя Свистунов, по-моему, в серьезной опасности. Его похитили. Я сейчас, кажется, преследую машину с похитителями и с ним. Лучше, если вы присоединитесь ко мне.

– Подождите, – растерянно произнес редактор «Вечерки», – что значит – «кажется, преследую»? Так преследуете или вам кажется? И вообще – кто вы?

– Я же сказал, – начал злиться Магомед – ему приходилось одновременно следить за машиной и говорить по телефону, – нет времени что-то объяснять. Присоединитесь – сами все поймете. И поможете. Нет – я постараюсь обойтись без вас и выручить вашего сотрудника. Все, отрубаясь, звоните, как только надумаете – я скажу, куда ехать, – Магомед отключился. Усы его сердито шевелились. «Девятка» его явно не замечала, и потому оторваться не пыталась. Но все портили перекрестки и светофоры, да еще нахальные водители, которые норовили влезть вперед. Не смущал их и внушительный вид джипа Магомеда.

Через минуту трубка заиграла российский гимн.

– Где вы? – нервно спросил Сергей Юрьевич. – Мы едем вдогонку.

Не судьба. Или, наоборот, судьба такая. На перекрестке перед коммунальным мостом через великую сибирскую реку Магомеда тормознул гаишник. От души выругавшись, Магомед с тоской проводил исчезающую «девятку».

...В отличие от редактора «ВК», Магомед догадывался, что происходит. Парой часов раньше у него состоялась встреча с одним из местных паханов чеченской мафии, неким Шамилем Акиевым. Прежде Магомед никогда его не видел, хотя о существовании знал. Официально Шамиль состоял в должности советника губернатора. Когда генерал, еще будучи главой российского Совбеза, работал по Чечне, к нему без труда сумел войти в доверие бывший кадровый военный, комиссованный из-за ранения – воевал не где-нибудь, а против боевиков своего тезки Шамиля Басаева. В период подготовки и подписания Хасавюртского мира отставной капитан-десантник Акиев, пользовавшийся авторитетом у мирных земляков, стал одним из инициаторов и разработчиков (не публичных!) условий соглашения. Генерал даже не подозревал порой, что идеи, которые он не выдавал – принимал за свои – ему технично подсовывал отставной капитан. Параллельно с этой благородной миссией Шамиль готовил себе будущее.

Сначала сунулся в традиционные для Чечни операции с фальшивыми авизо, но скоро понял, что там, во-первых, тесно, во-вторых, слишком небезопасно. Рано или поздно возьмут и посадят. Или убьют: тесно. Пытался ковыряться в нефтяной теме – там оказались заняты такие серьезные интересы, что Акиева утопили бы в нефтяном море не моргнув глазом. Помогли обстоятельства: политика. Недавний приятель-генерал подался в губернаторы сибирской провинции и выиграл. Акиев немедленно позвонил, поздравил нового главу региона и предложил свой план укрепления генеральского имиджа на российском политическом небосклоне. Суть заключалась в организации гуманитарной помощи из Краснохолмской области, гордо носившей статус донорской территории, в разрушенную Чечню. Акиев, конечно, не сказал губернатору, какой интерес он на самом деле преследует, не сказал и о том, сколько «зеленых» намерен положить в свой карман в качестве «комиссионных». Генерал тут же пригласил Шамиля в Краснохолмск и назначил советником по Чечне. Тот быстро освоился в местной диаспоре, завоевал авторитет – главным образом благодаря своему влиянию на генерала и контактам в областном аппарате. Для чеченцев на некоторое время в Краснохолмске и отдельных районах области установился режим наибольшего благоприятствования.

Однако с некоторых пор отставной вояка-чеченец стал испытывать какой-то дискомфорт. Стало все чаще возникать ощущение, что за ним следят. Тягостная интуиция и опыт в обнаружении «жучков» – крохотных микрофонов для осуществления дистанционной прослушки помещений – заставили его провести тщательный обыск в собственном служебном кабинете. И нашел. Один микрофончик был укреплен, как водится, под столом, на первый взгляд его можно было принять за шляпку гвоздя или шурупа. Второй отыскать оказалось сложнее, его спрятали в самом телефонном аппарате. Срабатывал он сразу же, стоило в кабинете заговорить даже не очень громко. Естественно, слушались через него и телефонные разговоры. Нашел его Шамиль почти случайно: очевидно, тот, кто устанавливал прослушку, сильно торопился и не успел как следует собрать корпус телефонного аппарата. Подозрительный хозяин кабинета в какой-то момент обратил на это внимание, вскрыл аппарат – и обнаружил лишнюю деталь. «Жучки» отправились за форточку, а Акиев призадумался. Кому и зачем надо было слушать его кабинет и телефон? А главное – он мог поклясться, что за ним установлена слежка.

Последние сомнения отпали, когда он у себя дома (в Краснохолмске Акиев за счет казны снимал престижную квартиру в центре) обнаружил разгром. В его отсутствие кто-то основательно порылся в его вещах, документах. Был вывернут платяной шкаф с плавающими дверками (дверки при этом не сломали, а вывернули только содержимое шкафа), взломаны запертые на хилые замочки ящики прикроватной тумбочки, письменного стола в кабинете... Включали и компьютер – и лазили по папкам: значит, знали пароль. Что искали, неясно. Все, что не относилось к законной деятельности, в документах и домашнем компьютере не отражалось и уж тем более дома не хранилось. В компьютере Шамиль вообще старался ничего лишнего не оставлять: не доверял, как человек старого воспитания, и все предпочитал хранить в голове или, на худой конец, в бумагах. А бумаг дома не держал. Самый надежный способ – прятать «левые» бумаги на работе в сейфе, шифр от которого был известен только ему.

Акция носила характер демонстративный. Ее организатору непременно нужно было дать понять чеченцу: его пребывание в Краснохолмске кому-то очень не по нраву.

Акиев еще раз крепко подумал – и нашел ответ. Неофициальное влияние, которое он оказывал на генерал-губернатора, ни для кого не было секретом. Таким же влиянием обладал Михаил Петрович Лесюк. Оба использовали генерала в своих интересах. Рано или поздно эти интересы должны были столкнуться. Похоже, столкнулись. Шамиль вспомнил, как примерно год назад люди Лесюка пытались влезть в строительный комплекс области, курировавшийся чеченцами. Попытка была проста до примитива: к внешнему управляющему одного из домостроительных комбинатов, обанкроченных специально, чтобы потом можно было дешево купить активы, приехали люди, по виду – типичные «братки», и предложили: «Ты уходишь –

мы приходим». Недвусмысленно намекнули на крышу в сером доме. Управляющий поулыбался, а после ухода гостей немедленно позвонил по прямому телефону Акиеву. Тот все понял без лишних слов, как истинный сын гор, не стал искать доказательств, а просто влетел в кабинет Лесюка – и обложил его чистым русским матом. Пригрозил, что если наезд повторится, братков повесят на их собственных золотых цепурах, а для начала засунут каждому в задницу по вольне (братки, понятно, были вооружены) – и повернут тридцать три раза. «Пускай мушки спиливают!» Михаил Петрович внимательно сверкнул очками, пригласил присесть. Потом по обыкновению долго возился с непослушной папиросой («Говно стали делать!»), натужно кашлял. Когда закончил спектакль, предложил разойтись мирно. Тут же в кабинете Лесюка они заключили устное соглашение: если у одной из сторон появляется интерес к какому-то объекту, сначала проверить, не противоречит ли это интересу другой стороны. В строительный бизнес Лесюк пообещал больше не лезть.

Действительно, на строительные фирмы его люди больше не совались. Но, от природы будучи человеком мстительным, обиды он, как видно, не простил. И решил любой ценой избавиться от опасного чеченца. Лучше всего – подловив его на какой-нибудь пакости и «сдав» генералу. Тот, сам вспыльчивый, как чеченец, в случае измены (а генерал любую «подляну», любой, не санкционированный им лично, увод денег из казны считал изменой) прогнал бы Акиева в тот же день. Самая подходящая тема – гуманитарная помощь в Чечню. Лесюк был уверен, что на ней Шамиль наваривает крепко. Доказательств, однако, не было. Ими Лесюк и решил разжиться, установив «жучки» и попросив кого надо организовать за советником губернатора «наружку».

Все это Акиев вычислил. И принял контрмеры. Правда, у него не было технических возможностей установить подслушивающие устройства в кабинете заместителя губернатора. Но вычислить маршруты его передвижения по городу и области – для этого верных людей хватало. Один из них – водитель Лесюка, тайно ненавидящий и откровенно опасаящийся хозяина, к тому же состоящий с некоторых пор на неофициальном окладе у Акиева – и сообщил чеченцу о частых встречах босса на базе отдыха «Базай» с каким-то незнакомым типом. Водитель не сумел его толком описать, зато сумел выполнить секретное поручение Шамиля: закрепить «жучка» под столиком, который на вечер заказал Лесюк. Было это делом одной минуты, водитель вошел в помещение минут за пятнадцать до ужина, когда там еще не было никого, кроме поваров. Но кухню от зала отгораживала частично стена, частично высокая стойка раздачи, за которой к этому времени тоже еще никого не было. Словом, вышло удачно, водителя никто не видел. «Жучка» со всей сопутствующей аппаратурой Акиеву достали опять же свои верные люди из местной чеченской мафии. Потом, получив пленку и прослушав ее, он щедро наградил водителя. Даже слишком, пожалуй, щедро, вызвав у того какие-то подозрения. Но, едва уловив тень их, Шамиль так посмотрел на водителя, что тот навсегда избавил себя от необходимости вспоминать об этом и что-то анализировать. Тем более что благосостояние семьи пусть на короткое время, но все же заметно улучшилось.

Так советник губернатора стал обладателем записи, способной нейтрализовать главного соперника. Возник вопрос – как ею распорядиться? Просто подкинуть генералу – глупо и неэффективно. Шамиль рассуждал точно так же, как убитый Васин: генерал, конечно, сначала расшвыряет, но хитромудрый зам найдет тысячу способов убедить босса, что запись – липа. А потом постарается перевести стрелки на Акиева. Может, конечно, ему это и не удастся – а вдруг удастся? Риск – дело благородное, но не в этом случае. Здесь надо действовать наверняка. Хорошо бы вбросить компромат в прессу, только сделать это надо тонко и наверняка, в противном случае хлопоты тоже могут оказаться пустыми. Необходимо издание, которому публика доверяет. И власть доверяет. Политики не любят оппозицию, особенно оппозиционную прессу, не за то, что она врет читателям, а за то, что говорит правду. Если это, конечно, настоящая оппозиция, не карманная или просто липовая, которая кричит, прочищая глотку

и привлекая читателя спецэффектами разового действия: «Губернатор спит со своей замшей!» Ну, спит – и что? У русского читателя с его широченной душой такие экзерсисы способны вызвать только сочувствие: губернатор – настоящий мужик! Истинная оппозиционная пресса не станет заглядывать в постель к губернатору. Ей нужны настоящие темы, серьезные.

Перебирая ведущие областные и городские издания, Шамиль вспомнил о «Вечернем Краснохолмске». Парадокс: тираж газеты устойчиво мал, а популярность и влияние устойчиво высоки. Причина, как казалось многим, в том числе советнику, – конструктивная оппозиция. Ни одно слово, направленное против действующей в области власти, здесь не появлялось случайно. Все было подтверждено фактами, цифрами, документами, свидетельствами. Отсюда – высокий авторитет и доверие читателей. Отсюда – злобная ненависть со стороны областных руководителей.

Акиев был знаком с редактором «Вечернего Краснохолмска», но нежных чувств друг к другу они не питали. Сергей Юрьевич прекрасно знал, кто такой Акиев, знал о его отношениях с чеченской преступной средой, догадывался о тайном бизнесе на гуманитарных поставках, и при немногочисленных встречах не скрывал, что знает. Несмотря на все это, обратиться к нему напрямую, конечно, можно. Но придется потратить немало усилий, чтобы склонить использовать полученную информацию. Прекрасно понимая, какие мотивы движут Акиевым, редактор чего доброго еще откажется что-то опубликовать. Давить на него, угрожать – бесполезно. Шамиль припомнил нашумевший случай, когда Юрьича вызвали в облпрокуратуру за серию публикаций в защиту бывшего заместителя губернатора из прежней команды, арестованного по надуманному поводу, как продержали там два с половиной часа, предварительно обыскав и отобрав мобильный телефон, как напрямую угрожали не только закрыть издание, но и самого поместить на нары по соседству с тем, кого защищал. Редактор вышел серый, мокрый от пота. А на следующий день «Вечерка» поместила на первой полосе материал под большим заголовком: «Помощник облпрокурора грозит закрыть нашу газету и посадить редактора!». Слышал Акиев и о звонках в «ВК» с прямыми угрозами: «У вас на стройке несчастные случаи бывали? Будут!» Давить и грозить – ничего не добьешься. Скорее, наоборот. На деньги Юрьич в этом случае тоже не клюнет. Надо искать посредника.

И тут советник вспомнил о Васине. Свои сдержанно-приятельские отношения с редактором опального издания замгубернатора не пытался делать секретом для коллег. К тому же Васин недолюбливает Лесюка, об этом тоже многие знали. Будь он хоть трижды порядочный, но такой случай упустит едва ли. К тому же, курируя силовиков, наверняка не избежит соблазна проверить подлинность аудиозаписи. А убедившись, непременно пожелает предать ее гласности. И почти наверняка через печать: не дурак же он, чтобы генералу отдать.

Некоторое время ушло на то, чтобы подобрать ключ к кабинету заместителя губернатора. Дело несложное: войти в приемную в обеденный перерыв, когда секретарши нет, взять со стола ключ, сделать слепок, остальное – дело техники. Так появились в кабинете Васина аудиокассета и расшифровка разговора Лесюка с посредником. Однако дальше все пошло не так, как хотелось Акиеву и как он рассчитал. Увидев по телевидению репортаж с места убийства Васина, увидев в кадре Свистунова, Шамиль мгновенно все понял. Кто-то еще более хитрый, чем он, переиграл его. Шамиль еще не знал, насколько хитрый. Он не знал еще о пропавших из машины Васина кассете и расшифровке, не знал о том, что Лесюка самого обвел его подручный. Но знал: если с журналистом сейчас что-то случится, никаких концов уже не найдешь, и игра, затеянная им против Лесюка, наверняка проиграна. Поэтому советник губернатора употребил все свои возможности, чтобы разыскать какие-то личные связи Володи. Когда узнал, что ближайший друг его – чеченец Магомед, испытал большое облегчение. На то, чтобы найти мобильник Магомеда и попросить его немедленно приехать в условное место, ушли считанные минуты. Сообразив, с кем говорит, Магомед вначале слегка растерялся и даже, признаться, встревожился. Он хорошо знал, кто такой Акиев, насколько сильно его влияние в чеченской

диаспоре, насколько серьезно могущество. Первая мысль, пришедшая в голову, – ждут какие-то разборки, связанные с бизнесом. Собеседник на том конце трубы (Шамиль звонил лично) почувствовал неуверенность Магомеда. Сказал по-чеченски:

– Ничего не опасайтесь. Дело касается вашего друга. Он может попасть в неприятную историю, – секунду помедлив, Акиев добавил: – Может из нее не выбраться.

Этого оказалось достаточно, чтобы Магомед отбросил сомнения.

– Куда ехать?

Через несколько минут он уже выруливал на своем джипе на небольшую, не слишком оживленную улочку неподалеку от того места, где располагался один из его павильонов.

Условное место оказалось однокомнатной, перепланированной по вкусу хозяина квартирой в укромном, но близком к центру, районе города. На двери – камера слежения. Не надо было обладать особенной прозорливостью, чтобы предположить: дверь откроет охрана, будет осматривать. Шамиль, однако, открыл лично. Подал руку, молча пригласил в комнату. Магомед успел рассмотреть его, пока тот все так же молча наливал чай ему и себе. Спиртного Акиев не употреблял. Выглядел он довольно молодо, хотя по всему ему не могло быть меньше сорока. Роста невысокого, но крепкий, видна старая выправка, чувствуется закалка. Он и сегодня, судя по всему, старался держать себя в форме. При ходьбе он слегка прихрамывал – следы ранения, из-за которого и комиссовали из армии. Глаза смотрели в сторону от собеседника, это создавало ощущение неуюта. Но если Шамиль обращал взгляд на человека, то уж держал его цепко и не отпускал до тех пор, пока тот не начинал испытывать то же ощущение неуюта, но уже по другому поводу. Взгляд был пронзительный и беспощадный. Жалости в этом человеке не чувствовалось. Чувствовался расчет.

Были они в квартире одни. Говорили по-русски – этим языком Акиев, как и Магомед, владел в совершенстве, разговаривал без акцента. Несмотря на разницу в возрасте, к собеседнику обращался уважительно: на «вы».

– Вы ведь знакомы с журналистом Владимиром Свистуновым?

– Разумеется. Это мой армейский друг. Да теперь уже и не только армейский, пожалуй. Володя живет у меня. У него вышла неприятность...

Шамиль остановил Магомеда резким жестом.

– Я все знаю. Знаю, что на него покушались, что дважды пытались убить. Это связано с его работой, с его расследованием, ведь так? А расследование связано со смертью директора золотого завода Королева.

Акиев ничего, собственно, не спрашивал, он утверждал.

– Вы давно видели своего друга последний раз?

– Сегодня утром. Он ушел от меня очень рано, куда-то собирался ехать. Когда я уходил, его еще не было. Звонить он мне тоже не звонил. А что случилось-то? – Магомед слегка стал терять терпение.

Шамиль быстро и, показалось Магомеду, слегка насмешливо взглянул на него.

– Вы дневной выпуск новостей не смотрели? Радио не слушали?

– Вообще-то днем мне, честно говоря, не до телевизора. Бизнес есть бизнес...

– Ладно, не сердитесь, – Шамиль снова цепко схватил собеседника взглядом. – У вашего друга есть мобильный телефон?

– Нет. Служебный ему не выдали, а на свой пока не заработал.

– Значит, позвонить ему сейчас мы не можем, – Акиев опять утверждал, а не спрашивал. – Это плохо. Это очень плохо. С вашим другом может случиться самое неприятное, что вообще может случиться с человеком. В третий раз они не промахнутся.

Магомед разом подобрался, хищно задвигал усами.

– Нельзя ли подробнее?

– Для того и позвал вас, – Шамиль тяжело вздохнул. – Только давайте условимся сразу, чтобы не возникало иллюзий. Меня судьба вашего друга волнует, откровенно говоря, не так уж сильно. Он сам влез в эту историю, сам и виноват. У меня свой интерес. Я специально это говорю вам, чтобы после не возникало никаких попыток сказать спасибо, не возникало ложного чувства благодарности. Интерес мой состоит в том, чтобы наказать одного опасного человека, – он вдруг усмехнулся. – Еще более опасного, чем я. Даже не столько наказать, сколько подвинуть его с занимаемых ныне позиций. Я вам сейчас расскажу все, что знаю, мы с вами разойдемся, но вы пообещаете мне сделать все возможное, чтобы с вашим другом ничего не случилось, и посвятить его во все тонкости. Если его... уберут, моя игра проиграна. Мертвый он мне бесполезен.

Пока Шамиль говорил это, Магомед чувствовал ужасный дискомфорт внутри. Его съедала вина перед Володей за то, что он слушает, как земляк-чеченец так вот запросто, откровенно признается в намерении использовать его друга в своих корыстных целях. Однако по мере того как Акиев посвящал его в подробности, Магомед все отчетливее понимал: иного способа уберечь Володю от необратимого нет, как только получить подробности из уст непосредственного участника. Корысть советника губернатора в данном случае может сослужить свою полезную службу.

– Теперь вы знаете все, что известно мне, – закончил Шамиль. – Если кассета и расшифровка записи у Лесюка, тогда угроза жизни вашему другу не так очевидна, хотя и не снимается вовсе. А вот если тот, кто убил Васина, воспользовался ситуацией и забрал запись себе, он может начать шантажировать Лесюка от имени журналиста. Тогда опасность серьезна. Кстати – это полезно знать: себе я копии записи не оставил. Не видел особого смысла. Может быть, напрасно. Просто не думал, что кто-то меня переиграет.

– Это все? – спросил Магомед, поднимаясь и отодвигая нетронутый чай.

– Все.

– Вас держать в курсе?

– Незачем, – усмехнулся Шамиль. – Все, что мне нужно, я узнаю без вашей помощи.

– Что ж – спасибо...

Советник поморщился:

– Я же сказал – никаких благодарностей. У нас разные цели. Постарайтесь успеть.

...Выйдя от Акиева, Магомед не стал предаваться психоанализу, а немедленно попытался вычислить Володю. По понятным причинам это ему не удалось. И лишь когда мобильный заиграл гимн и раздался голос друга, звонившего из кафе, Магомед испытал огромное облегчение.

– Жди и никуда не уходи, еду!

Глава 19

...Володя бежал по шпалам. Хотя нет. То, как он передвигался, трудно назвать бегом. Он отталкивался, медленно взлетал – и так же медленно парил над землей, затем приземлялся – и снова отталкивался, и снова медленно парил. Так, наверное, ходят люди по Луне, где слабое притяжение. Но там, на Луне, некуда торопиться, а Володя точно знал, что он куда-то спешит, что ему срочно надо где-то быть. Вот только не помнил – куда спешит, где надо быть, кто ждет... По бокам тянулись бесконечные грязные, ржавые рельсы, а за ними, казалось, не было больше ничего – пространства, времени... Даже тумана, которым был укутан путь впереди, – даже его не было. Ничего.

Володя бежал или, вернее, передвигался, как люди по Луне, а это оказалось трудно, и поэтому он ужасно устал. Отталкиваясь из последних сил, он все же поднимался над землей, и парил, и снова опускался, и опять отталкивался. Двигало сознание того, что надо, НАДО бежать, надо где-то быть, кого-то, кажется, спасти.

Сзади раздался шум. Володя оглянулся. Сквозь туман, который сзади был не такой густой – будто бы Володя, передвигаясь, проделал в нем туннель, – он разглядел паровоз. Обычный, черный, старый, какие можно увидеть в больших городах на вокзалах. Они там поставлены не то как символы движения человеческой мысли, не то как простые памятники миновавшей эпохи. Был такой и в Краснохолмске, и Володя видел его не раз – как видел его любой, однажды побывавший на Краснохолмском вокзале.

Паровоз двигался. Володя неотрывно смотрел на приближавшуюся машину. Паровоз отчаянно грохотал колесами на стыках старых рельсов, пускал фиолетовый дым и надвигался неотвратно, как грозовая туча. При этом не свистел сигналом, и похоже было, что машинист не видит впереди себя никакого человека.

Володя разглядел сквозь стекло кабины мужественное и неподвижное лицо машиниста. Паровоз приближался, и Володе некуда было деться от него. Он попытался, оттолкнувшись в очередной раз, изменить траекторию, отпрыгнуть вбок. Маневр не удался. Какая-то неведомая сила толкала тело обратно, на шпалы, между рельсов – туда, где через считанные секунды его должен был раздавить, размазать по рельсам механический зверь. Волосы на голове зашевелились. Володя закричал – но крика не было, он раздался только в его воспаленной голове. Не отрывая взгляда, он смотрел, как паровоз надвигается, и вот уже надвинулся, и вот...

Паровоз прошел сквозь Володю, так же отчаянно дымя и грохоча на стыках. Грохот этот стал невыносимым, от него ломило виски, от него голова вот-вот должна была лопнуть. Паровоз был бесконечным, он, казалось, никогда не кончится, хотя никаких вагонов за ним не было. Володя застонал. Если нельзя взлететь так высоко, чтобы кончился этот кошмар – может быть, можно остановиться? Он перестал отталкиваться от шпал и сел.

И открыл глаза.

Он сидел на чем-то мягком, даже слишком мягком. Его качало из стороны в сторону. Его никто не держал, он сидел сам. Сквозь туман, который сначала застилал взгляд, он разглядел круглый стол – такой был у его бабки в деревне, он сохранился еще от ее молодости, круглый, с толстой ногой посередине и крестовиной внизу. Правда, ноги и крестовины видно не было, стол был застелен большой, с бахромой, скатертью – такая тоже была у бабки в деревне, ею тоже застилали круглый стол. Над ним качалась электрическая лампа в старом абажуре. В углу, слева от кровати с продавленной панцирной сеткой, на которой сидел Володя, – огромная печь, сложенная на манер русской. У печи на металлическом листе – дрова, заиндевевшие – видимо, только с улицы. Несколько больших поленьев лежали прямо на печи. Было холодно, но сквозь щелки Володя разглядел занимавшийся в печи огонь. Только затопили, наверное.

Первая мысль, возникшая в слабо отзывавшемся на периферийные сигналы, вялом и не проснувшемся мозгу, была: «Господи, помер, что ли? Откуда эти умершей бабки стол и скатерть? Откуда русская печь?» Постепенно, однако, зрение сфокусировалось, пелена спала, и Свистунов разглядел многое еще. Но прежде многого – ласково улыбающуюся физиономию владельца кафе армянина, а рядом – непроницаемо холодное лицо Лидии Николаевны. Они стояли, как часовые, по обеим сторонам стола и молча наблюдали за пробуждением журналиста.

– Здравствуйте, – автоматически сказал Володя – и мгновенно снова провалился в пустоту, пронзенный острой болью в голове. Паровоз снова загрохотал по рельсам. Но рельсы, похоже, кончились. Паровоз врезался в глухую стену – и взорвался.

Очнулся он через некоторое время от того, что армянин заботливо тер ему виски нашатырным спиртом. Теперь Володя лежал – как он позже выяснил, лежал на продавленной, почти до пола провисшей панцирной сетке кровати.

– Очнулись, Владимир Николаевич? Вот и славно! – все так же улыбаясь, произнес владелец кафе. Слова звучали глухо, отдавались в голове болью. – Ничего, ничего, сейчас мы вас поправим, – армянин взял со стола разовый шприц с какой-то жидкостью в нем, бесцеремонно, но аккуратно задрал рукав водолазки на правой руке – и ловко вкатил журналисту содержимое шприца в вену. Оказать сопротивление Володя не успел, да и не смог бы. Зато уже через несколько минут ему действительно стало лучше. Толчками начала уходить боль из головы, пелена перед глазами стала понемногу развеиваться. Володя медленно сел, в первую очередь оглядел себя. Он был одет, как обычно, в джинсы и водолазку, в каких вчера... или не вчера?... словом, в каких в последний раз он выходил от Магомед. Даже обувь с него не сняли, он так и лежал на кровати поверх грязноватого старого одеяла в ботинках. Под голову была заботливо подложена его собственная куртка.

Как выходил утром из дома, Володя помнил. Помнил и некоторые последующие события – как ездили с телевизионщиками на место гибели Васина, как и что говорил в телекамеру. А дальше? Дальше был вечер, и он собирался поужинать и выпить как следует, потому что зверски устал – так, как давно, а может, как никогда в жизни еще не уставал. И он пошел в общежитие. И хотел поесть в кафе «Армения». Но там оказалось закрыто, и он... И он вспомнил улыбающееся лицо хозяина, вспомнил его слова: «Видели вас по телевизору... Вас теперь беречь надо...» Дальше что-то о программе защиты свидетелей – жаль, что ее нет... Он вспомнил и рулетки в горшочках, бутылку водки, которую почти успел выпить... Так вот в чем дело! Вот почему он увидел здесь, в каком-то странном помещении с круглым бабкиным столом, армянина из кафе и его жену, коменданта общежития. Армянин отравил его какой-то дрянью, но не насмерть, а так, чтобы можно было спокойно погрузить его и привезти сюда... Зачем? И при чем здесь его жена Лидия Николаевна? При чем здесь вообще они оба?

Напряженная работа мозга, очевидно, сильно отражалась на физиономии журналиста. Армянин внимательно наблюдал за выражением его лица. Понял, что Володя обрел способность оценивать происходящее адекватно. Улыбнулся по обыкновению.

– Ну что, Владимир Николаевич? Лучше вам?

Володя не ответил. Да тот и не ждал ответа.

– Наверное, вас интересует, где вы и зачем вы здесь?

Володя снова промолчал.

– На первый вопрос если бы мог, ответил бы непременно. Но – увы! Не могу, – сокрушенно развел руками армянин. Говоря, он все время двигался вокруг стола туда-сюда, как лектор на лекции перед студентами. Жена его продолжала стоять неподвижно, молча глядя на проходящего в себя Свистунова. – Не велено. Вы же понимаете, что не по своей воле мы вас сюда привезли – ну, догадываетесь, по крайней мере. Лишнее это – знать вам, где вы и что с вами будет. Да по правде говоря, о том, что будет, мы и сами не знаем. Наше дело – доставить,

привести в чувство, дожждаться... скажем так – заказчика, получить свое и вернуться к любимой работе.

– Кто заказчик-то? – спросил Володя. Слова выходили из горла нехотя, сухой язык едва ворочался во рту. Армянин догадался, кивнул Лидии Николаевне, та все так же молча подала воды. Володя хлебнул.

– Скоро сами увидите. Он с вами и будет беседовать. О чем, какие вопросы станет задавать – знать не знаю. Но догадываюсь, что они непременно как-то связаны с телесюжетом, где вы героически изобличаете областную мафию и утверждаете, что с вами что-то может случиться, – армянин улыбнулся особенно очаровательно. – Нельзя так, Владимир Николаевич! Напророчили. Сказали – «может случиться», вот оно и случилось. Вот вы и здесь.

Володя осторожно взялся за голову. Она уже почти не болела, но все еще оставалась ватной. Хотя сознание возвращалось, и осознание остроты происходящего постепенно обретало черты реальности.

– Кто вы? – держась за голову, спросил он. Армянин удивился.

– Помилуйте, Владимир Николаевич, да ведь мы с вами знакомы! Впрочем, действительно, я вам никогда не представлялся, в отличие от моей дражайшей Лидии Николаевны. Зовут меня Сурен, отчество необязательно.

– Кто вы? – повторил Володя. – Вы киллеры? Вас наняли, чтобы меня убить?

– Ну, если бы так, убили бы! – снова очаровательно улыбнулся Сурен. – Хотя мы и не киллеры. Так, заработок подвернулся не очень пыльный. Попросил хороший человек – почему не помочь? Я в прежней жизни, в первой своей профессии – фармацевт. Поверьте: если бы я хотел вас отравить – никто никогда не догадался бы, чем именно. Я хороший специалист. К некоторым... назовем их так: ухищрениям в отношении вас пришлось прибегнуть просто для того, чтобы, во-первых, миновать стадию уговоров – вы ведь добровольно не поехали бы никуда, да еще, чего доброго, наделали бы ненужного шума. Во-вторых, это нужно было, чтобы вы не знали, кто и куда вас везет.

– Чем это вы меня шарахнули? – показал на голову Володя.

– Вам правда интересно? – оживился Сурен. – Извольте. Все очень просто. Если большое количество спиртного смешать с небольшим количеством фенобарбитала, случится то, что случилось с вами. Вы ведь ничего не помните, что с вами было после того, как отключились в кафе? Ну, вот видите, какой эффект. А к водочке вы – так уж удачно вышло – неравнодушны. Вот все и сложилось. Хотя, – поднял он палец, – все могло кончиться раньше и намного печальнее. Вот Лидия Николаевна – она в прошлом пиротехник, работала в цирке, готовила разные уличные массовые представления в праздники. Вот у нее с вами не очень получилось.

Свистунов вопросительно уставился на жену Сурена. Та по-прежнему молчала и, казалось, не проявляла никакого интереса к разговору.

– Ну, помните взрыв в вашей комнате? Взрывное устройство сработало прекрасно, но вышла ошибка: никто не мог предположить, что друг у вас случится, и вы окажетесь в это время у него. Взрывчатка должна была взорваться в назначенное время, когда вы, по нашим расчетам, точно должны были находиться дома. Вышло, что вы нас обыграли, хотя и не зная того. Вот в то время у нас действительно было задание ликвидировать вас.

Володя невольно поежился. И этот бандит в смокинге и бабочке так непринужденно, почти по-дружески рассказывает ему, что его стерва-жена не сумела убить его вовремя! Хорошенькое дело.

– А звукорежиссера того в гостинице тоже вы зарезали?

– Ну что вы! Не наши методы. На это есть другие специалисты. Я с ними, к счастью, не знаком.

До журналиста стало доходить, что такая откровенность означает только одно: его отсюда не выпустят. Его убьют непременно. Внутри сделалось тоскливо, пусто. Опять же понятно, что

убьют не прежде, чем приедет заказчик. Когда это случится? Сколько времени у него в запасе? И что, интересно, сейчас делает Магомед? Ведь он должен был приехать в кафе, вспомнил Володя. Скорее всего, не успел. Если бы успел, сумел бы как-то отбить друга. Но хозяин не знает, что Магомед должен был приехать, Володя звонил, когда тот ходил на кухню. Больше в кафе никого не было – значит, после того как его увезли, кафе закрыли. Магомед, увидев закрытую дверь, должен был удивиться. И встревожиться: Он вспомнил, каким взволнованным голосом говорил с ним по телефону чеченец. Похоже, он узнал что-то, чем спешил поделиться с другом. И что само по себе представляет какую-то опасность.

– Какое сейчас время суток? – спросил Володя. Окна были тщательно занавешены чем-то плотным, и было непонятно, день на улице или ночь.

– Ночь, Владимир Николаевич, глубокая ночь.

– А почему вы меня не связали? Чтобы уж совсем, как в боевиках: похищение, связанные руки, еще лучше – похищенного привязывают к водопроводным трубам или, на худой конец, к спинке кровати.

– О, вы уже способны на иронию! Замечательно. Только зачем вас связывать или привязывать к чему-то? Сил у вас не так много сейчас, после дурмана. А против этого, – Сурен достал из кармана брюк изящный маленький пистолет неизвестной журналисту системы, – против этого что вы сможете? Такой же есть у жены, так что если вдруг вы надумаете захватить ее, прежде взвесьте все хорошенько. Нам дано указание побережь вас до приезда... хорошего человека, но нет указания – беречь как зеницу ока. В случае сопротивления или опасности здоровью одного из нас мы можем защищаться, – Сурен снова улыбнулся.

– Когда же приедет ваш хороший человек?

– Думаю, скоро.

– Раз я все равно его увижу, может, скажете, кто он такой?

– Вообще-то я хотел оставить его для вас сюрпризом. Но, может, вы и правы: многовато сюрпризов для одного дня. Да вы его знаете! Могли бы сами догадаться.

В это время у Сурена в кармане зазвонил мобильник.

– Да. Конечно. Мы на месте. Все получилось. Он здесь. Деньги?.. При вас. Хорошо. Как договаривались? Хорошо. Ждем, товарищ майор! Да шучу я, кто тут услышит, кроме него? Ладно, не буду больше звать майором – буду полковником, – Сурен сунул телефон в карман.

И Володя догадался.

– Господи, ну конечно же! Майор этот самый... гражданский.

– Совершенно верно! Майор Мичурин, собственной персоной. Только он не гражданский, конечно. Гражданских майоров, как вы догадываетесь, не бывает. Он – из ФСБ. Он уже едет. Кстати, надо бы печь раскочегарить – думаю, разговор у вас с нашим майором будет долгий и, надеюсь, продуктивный. Дальше, – Сурен развел руками, – как судьба распорядится, – он обошел стол; небрежно положив рядом с собой пистолет, присел около печки, открыл дверцу. Стало видно, что огонь уже разгорелся как следует. – Вот и славно, сейчас у нас будет тепло...

Володя окончательно понял, что жить ему осталось немного. Во рту снова противно пересохло. Он сделал движение к столу – там стоял стакан с водой, – но его сильно качнуло в сторону печки. Рука произвольно ухватила толстое полено, лежавшее на краю. На принятие решения ушло мгновение. Сурен, подняв голову, успел понять, что задумал журналист, успел протянуть руку к пистолету... Больше он ничего не успел. Володя ухватил полено и что было сил ударил армянина по голове. Тот хрюкнул и сел на зад, скребя по деревянному полу и пытаясь дотянуться до пистолета. Володя ударил еще раз с той же силой. Сурен как-то по-детски жалобно посмотрел на него, что-то попытался сказать, потом из виска, сперва чуть помедлив, затем как-то сразу широкой лентой хлынула кровь – и он, закатывая глаза, завалился набок. Кровь, вытекая из свежей раны, дымилась. В доме было по-прежнему довольно холодно.

Свистунов схватил пистолет, резко обернулся – и упал раньше, чем осознал, что надо упасть. В ту же секунду раздался выстрел. Точнее, самого выстрела Володя почти не услышал, он щелкнул сухо, как выстрел из пневматической винтовки в тире. Похоже, пистолет был с глушителем.

Возможно, она была неплохим пиротехником. Но стрелком никудышним. Пуля, отколов от края стола щепку и порвав скатерть, попала в кирпич. Некогда было смотреть, куда именно. Его осыпало кирпичной пылью и штукатуркой. Он взвел курок маленького пистолета Сурена. С этим оружием он сумел бы справиться даже в таком состоянии, в каком находился сейчас: пистолет – штатное оружие механика-водителя танка. В армии на стрельбище Свистунов неизменно бывал первым. Он неплохо стрелял из армейского ПМ. Теперь оружие было другое, но вряд ли сложнее.

Второй выстрел прозвучал так же сухо. Лидия Николаевна вела себя, как испуганная женщина: она боялась подойти ближе, потому стреляла наугад. Вторая пуля, от ricochetив от кровати, вошла в деревянный пол рядом с Володей. Внизу через стол были видны ноги Лидии Николаевны. Она медленно приближалась. Подойдет ближе – хана. С расстояния полтора метра попадет даже слепой. Володя колебался: женщина все же. Третий выстрел развеял сомнения. Ноге стало горячо. Свистунов выстрелил чуть выше видневшихся ног. Пистолет Сурена стрелял так же бесшумно. Сочный «чмок», слабый не то стон, не то хрип – и Лидия Николаевна улеглась. С мужем их разделял стол.

Володя встал, опираясь на стол, и огляделся. Его по-прежнему покачивало, одна штанина была мокрой от крови. Он посмотрел внимательно на пистолет – никакого глушителя на нем не было, оба пистолета были одной модели: ПСС с патроном СП-4 особой конструкции, ему не требовался глушитель, он и без него стрелял бесшумно. Раньше Володя такого изящного оружия в руках не держал, но читал о нем. Как многие мужики, питал инстинктивную слабость к оружию, оттого держал дома энциклопедию.

Отбросив пистолет, бегло осмотрел ногу – пуля лишь слегка задела ее, оцарапав, порвав кожу. Кровь сочилась, но времени проводить медосмотр и оказывать себе первую помощь не было. Вот-вот сюда должен был пожаловать майор. Он церемониться с журналистом не станет.

Володя еще раз осмотрел жертвы – точнее, тех, чьей жертвой он сам почти стал. Сомнений не было: у Сурена проломлен череп, он мертв, а Лидию Николаевну пуля поразила, видимо, в живот. Женщина, кажется, еще дышала, но теперь, после того как она снова пыталась его убить, ему это было безразлично. Он взял свою куртку, пошел к двери – и вернулся. Как ни противно было шарить в кармане у мертвеца, забрал у Сурена мобильник, заодно вынул из его нетонкого бумажника деньги: у самого Володи карманы были пусты. Видимо, похитители-убийцы были слишком жадны до бумажек. Что ж, это их и погубило.

Володя еще раз глянул на издававшую тяжелые хриплые звуки Лидию Николаевну. Ничего, сейчас придет ваш майор, пусть он и спасает. А нет – так и ладно. Жалости не было. Он толкнул дверь – она оказалась заперта. Ключа, как ни старался, он найти не смог. Выругавшись, он единственной табуреткой выбил узкое окно и с трудом вылез.

Стояла и правда глубокая ночь. Судя по всему, дача находилась довольно далеко от города. Зарево на небе от городских огней виднелось, но вдалеке. Небо же над поселком (дом, где журналиста чуть не убили, стоял на самом краю дачного поселка) было звездным, щедрым. Перед дачей на дороге виднелась припорошенная снегом серая «девятка» – та самая, на которой его привезли сюда. Мелькнула мысль – воспользоваться – и сразу же пропала. Первый же гаишник, пожелавший тормознуть Свистунова, арестует его непременно. Просто за странный диковатый вид, сочащуюся кровью ногу. Выяснит, что машина чужая – и привет. Потом объясняй, откуда ты и куда, и как к тебе попала чужая машина. Меньше всего сейчас ему нужна была встреча с милицией в любом ее обличье. Да и, откровенно говоря, сев

за руль «короллы» с автоматической коробкой передач, он очень скоро забыл, как управляться с коробкой механической. Словом, придется звонить Магомеду.

Он уже взялся за мобильник – вдруг из дома раздался выстрел, затем еще один, еще... Больше выстрелов не было. Значит, пистолет у Лидии Николаевны был шестизарядным. Стреляя, она, очевидно, пыталась звать на помощь. Он чертыхнулся – женщину все же стало жаль. Снова пошел к окошку – в это время внутри рвануло. Посыпались стекла, а через мгновение в доме полыхнуло как следует. Володя вспомнил: рядом с кроватью со стороны печки стояла какая-то канистра. Очевидно, в ней был бензин или что-то подобное.

Лидия Николаевна достигла цели. Теперь ее обязательно найдут – только вот в каком виде? Пол, наверное, занялся не сразу, но он хорошо представил себе, как пламя мгновенно охватило высохший старый стол, скатерть, накинулось на одежду Сурена и его жены. Спасать было некого.

Володя в смятении еще раз глянул в сторону Краснохолмска – и вдруг увидел быстро приближающиеся фары автомобиля. «Черт, теперь не хватало еще этому майору Мичурину в лапы попасть!» Он кинулся было в огород – вовремя спохватился. По свежим следам на снегу его мгновенно найдут. Он выскочил на дорогу, где все было изрядно изъезжено, обежал дачу вокруг – и зашел со стороны огорода. Там стоял крохотный фанерный туалет. За него и спрятался.

Опасения оказались не напрасными. Черная новенькая «хонда» подъехала к дому через пару минут. Водитель заглушил мотор, потушил фары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.